

ГЕННАДИЙ ШИПУЛИН

РЕЖИССЁР
ВОЛЕЙБОЛЬНОГО
ТЕАТРА

Геннадий Яковлевич Шипулин

Режиссер волейбольного театра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34395927

*Режиссер волейбольного театра: Спорт и Человек; М.; 2018
ISBN 978-5-9500180-4-6*

Аннотация

Во многом автобиографическая книга яркого и неординарного волейбольного тренера привлекает своей откровенностью и искренностью. Получился автопортрет сильной личности, способной преодолевать любые препятствия, которые встречались и по-прежнему иногда встают на его пути. Кроме того, это беллетристическое повествование рассказывает о более чем четвертьвековой истории российского волейбола, о наиболее ярких событиях, происходивших в российский период, и незаурядных и неподражаемых личностях, с кем сводила автора жизнь. И не только на волейбольной площадке.

Содержание

Простые истины	7
Выбор вектора движения	11
Этот мудрейший игрок – Венгеровский	27
В зоне турбулентности	51
Перестройка, ускорение, гласность	80
Конец ознакомительного фрагмента.	100

**Геннадий
Яковлевич Шипулин
Режиссер
волейбольного театра**

© Шипулин Г. Я., 2018

© Издательства «Спорт» и «Человек», издание, оформление, 2018

* * *

Фото из архива автора, ВК «Белогорье» и пресс-службы
Министерства спорта РФ

Дорогие друзья!

Я впервые взялся написать так подробно о родном клубе, которому недавно исполнилось сорок лет и которому я отдал большую часть своей жизни и продолжаю отдавать, забывая иной раз о здоровье.

Я хотел поделиться с вами, верными друзьями, которых у меня очень много, как непросто добывались наши победы, и не только спортивные, рассказать об ошибках и неудачах, которых тоже хватало.

Мы, подчеркиваю это, именно мы, белгородцы, и те, кто протягивал нам руку помощи в тяжелые для клуба времена, вправе гордиться, что на нашей земле родилась, выросла и завоевала всемирный авторитет такая команда, как «Белогорье». Без участия руководства области, представителей большого бизнеса и общественности нам вряд ли удалось бы достичь таких высот, которыми теперь гордится великая Россия.

Низкий поклон всем вам. И, пожалуйста, не судите строго, если кому-то не понравится моя искренность и моя правда.

Простые истины

Всегда полагал, что мемуары пишутся на заслуженном отдыхе, когда возникает потребность подытожить если не все сделанное, то какой-то значимый период. Не раз ловил себя на мысли, что неплохо бы переложить на бумагу, зафиксировать тот или иной отрезок или этап бесконечного волейбольного марафона. Но всегда сразу себя одергивал: «Где взять на это время?» Жизнь тренера подобных смысловых пауз не предполагает, а если ты еще одновременно и руководитель одного из самых титулованных клубов мира...

Сложное сердечно-сосудистое заболевание, которое мне пришлось перенести, произошло стремительно и абсолютно неожиданно. Пока восстанавливался, и получил то, недоступное ранее, время, чтобы спокойно вспомнить и хоть как-то систематизировать многолетний путь с командой.

В какой-то мере и здесь цейтнот сопровождал меня, поскольку команда продолжала играть и требовала всего возможного в сложившихся обстоятельствах внимания. Может, поэтому удалось рассказать не обо всем и обо всех заслуживающих внимания. Будет ли время «копнуть глубже», показать еще какие-нибудь грани тренерской работы или секреты организации? Надеюсь, но время на это ведь тоже в обозримом будущем не предвидится.

Многие сегодня интересуются, как удалось мне, казалось

бы, самому обычному человеку, ничем особым не выделявшемуся среди прочих, создать выдающийся клуб, позже возглавить сборную России, которая смогла завоевать множество всяких призов (со всеми успехами моей работы в должности главного тренера сборной команды и волейбольной команды «Белогорье» можно ознакомиться в конце книги), преобразовать ледовую арену в подлинный Дворец волейбола, инициировать грядущее строительство главной городской арены на десять тысяч зрителей – да что там городской, это российский масштаб, таких арен можно пересчитать по пальцам, и только в Москве и Санкт-Петербурге.

Да, собственно, этому и посвящена настоящая книга – поделиться опытом, подсказать будущим поколениям таких же фанатов от спорта, как и что делать, с кем и как строить отношения, начиная от игроков и кончая руководством страны, представителями крупного бизнеса и власти, без которых невозможно добиться поставленных задач и намеченных целей. Все очень просто: надо ставить перед собой эту самую цель и двигаться к ней, не обращая внимания на многочисленные преграды, препоны и критику, которые встречаются на пути. И при этом постоянно трудиться – сутки, недели, месяцы, годы напролет. То, чему всегда учил Юрий Наумович Венгеровский, наш великий тренер и учитель, которого я боготворил всю жизнь.

Но и о разрядке не забывать – охота, горные лыжи. Но к этому я пришел гораздо позже, когда почти всего достиг.

Почти всего. Еще кое-что не доделал. Но время еще есть. И силы тоже. И идей полно. Главное, чтобы здоровье позволило. Потому и уделяю ему сегодня, повторяю, гораздо больше внимания, чем раньше.

Хочу отметить, что на жизненном пути мне посчастливилось встретить много умных, талантливых, добрых людей, настоящих профессионалов своего дела, каждый из которых в определенный период внес свою лепту в мое становление и развитие, а также очень помог мне состояться как человеку, тренеру и руководителю ныне всемирно известного волейбольного клуба.

Прежде всего, я благодарен Евгению Степановичу Савченко за искреннюю любовь к Белгородчине, ее жителям, преданное отношение к духовности, волейболу, культуре и спорту в целом. Признателен главному акционеру и учредителю компании «Металлоинвест» Алишеру Бурхановичу Усманову, доброму и честному человеку, который на протяжении многих лет искренне и бескорыстно помогает клубу.

Горжусь тем, что моими учителями были и остаются выдающиеся мастера волейбола Гиви Ахвледиани, Олег Чехов, Юрий Чесноков, Николай Карполь, Вячеслав Платонов, Владимир Паткин, Юрий Фураев, Валентин Жуков, Виктор Свиридов, что пришлось работать и сегодня бок о бок с нынешним руководством отечественного волейбола Станиславом Шевченко, Александром Яременко, Андреем Горбенко, Михаилом Подлозным, что в разные годы мне помога-

ли и помогают на практике познавать большой волейбол Вячеслав Зайцев, Владимир Кондра, Олег Молибога, Михаил Лопатин, Анатолий Багрей, Борис Колчин, Владимир Кузюткин, Юрий Сапега, Владимир Алекно и Андрей Зенович.

Особенно мне и волейболу в России в целом повезло с приходом на должность президента Всероссийской федерации волейбола Николая Платоновича Патрушева, который является примером высокой культуры, преданности нашей Родине и любви к волейболу, в настоящее время он возглавляет Наблюдательный совет ВФВ.

Николай Платонович Патрушев за заслуги перед государством, связанные с совершением геройского подвига, награжден медалью «Золотая звезда» и званием Герой Российской Федерации.

Выбор вектора движения

Родился я в многодетной семье. Нас у родителей было пятеро – четыре сестры и я посередине. То есть, две были старше меня, две – младше. Все годы жили дружно, и сегодня со всеми сестрами отношения сохранились прекрасные. Наверное, это заслуга родителей, прежде всего мамы, конечно. Потому что отца в первые годы моей жизни я видел редко – он мотался по стране, строил и ремонтировал дороги.

Во все времена его специальность была востребованной. А уж во время войны – и подавно. Причем начинал он еще солдатом с Халхин-Гола весной 1939 года во время первого советско-японского противостояния, а до Берлина дошел уже офицером. Но из армии его не отпускали – специалист с высшим образованием и колоссальным опытом работы был в те годы нужен именно там, где дороги и мосты были разрушены. Практически везде.

Во время войны в сороковые годы отец был техническим разведчиком, работал в тылу врага – наносил на карты немецкие объекты, которые нужно было взорвать: мосты, железные дороги, эшелоны с танками и прочей техникой. А потом заново возводил те же мосты и дороги для прохода бойцов Красной Армии на Запад. И после войны он восстанавливал старые и строил новые дороги. Основную рабочую силу составляли в те годы пленные немцы. Отец рассказывал

мне: когда прокладывали шоссе Москва – Симферополь, покрытие на котором долгое время было, кстати, в идеальном состоянии, его подчиненные очень скрупулезно относились к своей работе. Скажем, приходила машина с асфальтом, так старший из немецкой команды обязательно измерял его температуру. И если она хотя бы на один градус не соответствовала нормам, немцы отказывались класть асфальт, требовали заменить на новый.

Представляете, если бы так тщательно относились к своей работе нынешние строители, не было бы на наших дорогах столько рытвин и колдобин и не пришлось бы ежегодно ставить заплатки или асфальтировать отдельные участки заново...

Познакомились же мои родители совершенно случайно, на станции, где мама, как и многие белгородские женщины, чтобы как-то прожить, продавала вареную картошку и яблоки, – в те годы больше нечем было «порадовать» пассажиров проходящих поездов. А чтобы выглядеть привлекательнее, девушки мелом разрисовывали себе ступни ног – будто бы в белых носках они были, а каемочку углем делали – получалось, наверное, красиво.

Не знаю уж, не этими ли, с позволения сказать, «носочками» мама привлекла отца, но познакомились они именно на станции – батя проезжал мимо на грузовом поезде в вагоне с переборками и решил побаловаться яблоками. Между прочим, спустя более чем двадцать лет, во время службы в

армии, и мне пришлось проехаться в таком же товарняке с переборками. Тогда нас из Умани везли в Николаев грузить военную технику для отправки в Египет, где мне довелось исполнять свой интернациональный долг.

Красивые у меня были родители...

Я, кстати говоря, непростительно поздно узнал, что, оказывается, когда немцы оккупировали Белгород, маму – ей тогда пятнадцать лет было – угнали на работы в Германию, и она отлично знала немецкий.

Первое послевоенное десятилетие было голодным. Отец находился в постоянных разъездах по стране, и мама решила всем нашим шумным семейством перебраться в село Красное, где жила ее бабушка, моя прабабушка, звали ее Саня. Я смутно помню эту, как мне рассказывали, очень добрую и боговерную женщину. И вообще вся ситуация с первыми годами той «сельской» жизни не отложилась в памяти. Помню только, что, если бы не бабушкина коза, нам бы всем не выжить...

С возвращением отца стало полегче. Наконец-то мы стали жить всей большой семьей в том самом Красном селе – тогда оно было за городом, а сегодня этот район – самый центр Белгорода, где находится университет и учебно-спортивный комплекс Светланы Хоркиной.

Построили дом, который казался мне тогда, по молодости лет, огромным и самым привлекательным среди всех подобных строений в округе. В этой даже по нынешним меркам

большой избе и прошли мои детство и юность. И в армию я уходил из этого отцовского дома. Но это было много позже.

Вопрос с учебной определял отец: он, специалист с высшим образованием, полагал, что и дети должны быть образованы наилучшим образом. Потому и отдал всех нас пятерых в специализированную школу с углубленным изучением иностранных языков.

Было лишь одно неудобство – школа находилась довольно далеко от дома, в районе вокзала, километра три пехом. Но отец прекрасно понимал, что в не совсем благополучном районе на тогдашней городской окраине надлежащих знаний не получишь: и школы были не те, и учителя не столь опытные, не говоря уже о бредовых сверстниках, друзьях юности из соседних дворов. И ведь прав был папа, потому что никому из мальчишек из того района так и не удалось выбиться в люди, хоть чем-то себя проявить. Когда же я вернулся из армии, то многих бывших сверстников-соседей уже не было: кто спился, кого-то уже в живых не было, а кто в тюрьму загремел... Уже в те, мальчишеские годы я был заводилой среди пацанов – это было проявление моих первых организаторских способностей. Летом по моей инициативе мы играли с мячом в, наверное, самые известные и доступные в те годы футбол да волейбол. Ну а зимой был, конечно, хоккей – ничего популярнее не было тогда в стране вообще: советские хоккеисты выигрывали в шестидесятые годы все подряд мировые чемпионаты и Олимпиады. И нам, мальчишкам, тоже

очень хотелось походить на них, проявить себя, доказать, что мы тоже и на коньках умеем кататься, и в хоккеей играем не хуже «городских».

Именно тогда я убедил соседских пацанов, что надо соорудить настоящий каток. Нашли соответствующую размерам поляну, уговорили тракториста дядю Ваню на своем С-100, огромных размеров дорожном бульдозере, разровнять площадку. А шофера ассенизаторского «газика» «подкупили» куском сала и собранными по копейкам – у кого сколько было – небольшими деньгами, чтобы он привез нам воды и залил каток.

Такая отличная площадка получилась – сказка! Я классно катался на коньках. Начинал на «снегурках», которые к валенкам привязывал. Потом появились «дутьыши», «полудутьыши», позднее – «полуканадки» и, наконец, «канадки». Чтобы реже точить коньки – голь на выдумки хитра, – покупали надфили и посередине лезвия коньков протачивали желоб, чтобы сцепление со льдом было лучше.

И клюшки поначалу сами изготавливали. Летом вырубали подходящие куски дерева, высушивали их на печке, потом обстругивали, обматывали синей изолентой, которая в те годы была в огромном дефиците. А с таким хоккейным «инвентарем» ты – первый парень на селе. Гораздо позже стали ездить в Харьков в магазин «Динамо», где покупали толстые, тяжелые клюшки нового образца. И их приспособивали под себя.

Когда же транслировались по телику хоккейные матчи «Приза «Известий» или чемпионатов мира, чуть ли не полулицы мужиков и нас, мальчишек, собирались в доме бабушки Таси, единственной среди всех жителей района обладательницы «цветного», благодаря прикрепленной к экрану радужной пленке, телевизора «Рекорд». И с вожделением смотрели на великих мастеров – Виктора Коноваленко и Владо Дзуриллу, Вацлава Недомански и Виктора Полупанова, Анатолия Фирсова и Сета Мартина...

Когда пришло это – нет, не увлечение спортом, этим я «заболел» с первых самостоятельных шагов по земле, – а желание обязательно, несмотря ни на что, оказаться лучшим, первым, получать поздравления и награды? Наверное, с того самого момента, когда стал свидетелем грандиозного, по моим мальчишеским меркам, события – чествования наших городских футболистов, которые добились права играть в аналоге нынешнего первого дивизиона. Тогда, в 1968 году, белгородский «Спартак» заслуженно собирал полные трибуны.

За белгородским футболом я следил всегда и, как бы ни называлась в те годы городская команда – «Красный котельщик», «Цементник», «Энергомаш», «Салют», – знал игроков по фамилиям наперечет. Торжество проходило в Доме профсоюзов. Как я там оказался, сейчас уж и не вспомню, но ведь проник же как-то. И скромно пристроился в уголке зала и вожделенно поглядывал на происходившее на сцене. А игроков вызывали по одному, вручали жетоны победите-

лей и значки «Мастер спорта СССР».

В свои одиннадцать-двенадцать лет я еще не совсем разбирался в реалиях большого спорта. Но мысль о том, что и я должен обязательно добиться, чтобы меня вот так же когда-нибудь, когда вырасту, награждали и почитали, запала на всю жизнь. Словно какой-то чип в меня вживили, который и повел меня именно по этому пути. Я во снах не раз видел себя на пьедестале почета. Потому и долго пытался найти свой вид спорта, выбирал, чем же заняться, чтобы выделиться среди ровесников, – играл в волейбол, ходил в походы, прыгал на батуте, плавал... При этом осознавал, что волейболист из меня не получится, ростом не вышел, – тогда же не было такого игрового амплуа, как либеро. А ведь я бы неплохо смотрелся на этой позиции...

* * *

В хоккей мы играли и в школе – у нас была настоящая коробка с бортами. И волейбол любили, тем более что площадка, отвечающая всем размерам, была под боком. Я был очень активным учеником, даже, наверное, чересчур. Ни одного внутришкольного события не пропускал. Это отмечали все учителя. Наверное, тот факт, что я рос в не очень обеспеченной семье, не из приметных – внешне в глаза не бросался, ходил в кирзовых сапогах с отцовской сумкой-планшеткой через плечо, и заставляло меня, сызмальства стремящегося

во всем выделяться, делать все так, чтобы оказаться в центре внимания. А еще лучше – опередить всех, чтобы заслужить похвалу старших.

Наш преподаватель физкультуры Григорий Васильевич Юрченко, личность незаурядная, мог увлечь спортом кого угодно. А меня и увлекать не надо было – я подписывался подо все: мячи накачать – нет проблем, залить каток – с удовольствием, сделать разметку на футбольном поле – да раз плюнуть. Или когда учительница французского Альбина Георгиевна спросила, кто готов помочь ей изготовить карточки – наглядное пособие для лучшего усвоения языка, – первым, разумеется, поднял руку я.

Вообще учеба давалась мне легко. Еще, наверное, и потому, что я вынужден был приходить всегда готовым к любому уроку, с выполненным домашним заданием. Дело в том, что в школьном журнале, где фамилии всегда написаны в алфавитном порядке, моя значилась последней. И многие учителя, долго не раздумывая, чаще других вызывали меня к доске. Особенно выделялась в этом отношении почему-то преподаватель русского языка и литературы Ольга Михайловна Сакулина.

Долгое время я даже обижался на учительницу, считал, что у нее ко мне предвзятое отношение. Правда, вслух никому ничего не высказывал. А когда вырос, понял, что она была права, и навсегда остался ей благодарен за свою грамотность и любовь к литературе. С тех пор полюбил театр,

при любой возможности иду смотреть спектакли, большей частью в Большом. А все началось со школы...

Ныне меня уже четыре раза выбирали депутатом областной Думы. А в этой должности, общественной, выборной, приходится писать огромное число писем, запросов, докладов, при этом правильно и емко формулировать мысль. Как отмечают мои коллеги, получается очень качественно.

К сожалению, ничего подобного не могу сказать про сегодняшнюю молодежь, в том числе и игроков моей команды. Как-то один из них переводился из одного института в другой. Так в элементарном заявлении он сделал такое количество ошибок, что мне за него было стыдно. А другой сдавал экзамен и не знал, на какой улице находится институт, в котором он «учился» на юриста. И все это из-за отсутствия элементарных школьных знаний и навыков.

В некоторых учебных заведениях, к сожалению, до сих пор существует пагубная практика, когда детские тренеры уговаривают преподавателей из общеобразовательной школы проставлять оценки своим воспитанникам, а все экзамены сдаются экстерном. И в армии многие из них не служат, и в институтах реально не учатся.

Редко кого увидишь из наших игроков в самолете с книгой, не говоря уже про вузовский учебник. И полная противоположность их зарубежные коллеги. Мы не раз перелетали из города в город, из страны в страну с волейболистами из других сборных. И больше всего меня удивило, что чуть ли

не все они поголовно читают, потому и успешно заканчивают колледжи и университеты. Наши же, в большинстве своем, в этом стремлении заметно уступают.

Завершая воспоминания о школе, расскажу про один недавний эпизод. Вдруг позвонила внучка нашей учительницы математики и сказала, что ее бабушке Ирине Борисовне Маслиевой исполняется девяносто пять лет. Я быстро созвонился с одноклассниками, мы купили шикарный пуховый платок, огромный торт, поздравили нашего педагога, а потом поехали к Вечному огню, к школе, зашли в класс, повспоминали ученические годы – прекрасно время провели.

Между прочим, я ведь еще и в музыкальной школе учился, по классу баяна. Сегодня удивляюсь даже, как все успевал: и спортом заниматься, и на баяне играть, и хорошие отметки получать в обычной школе. Опять-таки это была инициатива отца – пойти учиться музыке, он и баян мне тульский, знаменитый в те годы, купил. Но инструмент был огромный и тяжелый, а я – маленький. Таскал его за плечами в мешковине. Но при виде даже маленькой горки садился на него и скатывался, как на санках. А потом на уроке не мог взять, скажем, ля минор второй октавы – инструмент-то намок. Ну и двойки получал. Отец потом разбирался со мной. Но я и позже не мог отказать себе в удовольствии прокатиться на баяне...

Кстати, и сейчас под настроение музицирую – у меня дома есть баян. Не говоря уже про пианино. Но это для внушек.

А какие театральные постановки папа придумывал! Это был подлинный домашний театр. Декорации и костюмы делали из штор, старого трюмо, да все годилось, что под руку попадалось. Ставили, как правило, по Гоголю нечто среднее между «Ревизором» и «Мертвыми душами». Отец, помню, был режиссером и одновременно играл Городничего, а старшая сестра – Коробочку. Мне же доверяли только второстепенные роли – на главные по возрасту не проходил.

* * *

После школы поступил в институт, тогда он был единственный в городе – Белгородский государственный технологический институт строительных материалов. Правда, отучился недолго – получил повестку в армию. И хотя имел на руках справку об отсрочке от призыва, решил посоветоваться с отцом, как поступить. Хотя нисколько не сомневался, что он скажет. Все так и произошло: «Ты, сынок, обязан отдать долг Родине». В тот момент я не знал, что предстоит отправиться вначале в учебку в Евпаторию, на различные военные полигоны, на стрельбы в Астраханскую область, надеть погоны ПВО, а потом в Египет на настоящую войну. Впрочем, выбирать не приходилось. Приехали из учебки ночью в Николаев в гражданских костюмах, пальто и шляпах. В таком виде технику грузили на корабль. А перед этим генерал проводил инструктаж. Спрашивал: «Есть желание вы-

полнять интернациональный долг?» Ответ мог быть только один: «Так точно, товарищ генерал». «Кругом!» – и пошел на корабль.

Не очень люблю вспоминать те времена. Скажу только, что это была настоящая война, точно такая же, как сегодня происходит в Сирийской Народной Республике. Потому пришлось пройти суровую армейскую школу не на каких-то учениях, а в реальной боевой обстановке. Довелось пожить в степи, в палатках, без воды и еды. Колючки, шакалы, грязь... Никому не пожелаю пройти через это. А с другой стороны, это была суровая школа жизни, которая окончательно сформировала и закалила мой характер.

Родные, понятно, ничего не знали. Мама несколько раз пыталась передать мне посылки, ездила в Москву с печеньем, вареньем, зная, что я люблю сладенькое. Ей каждый раз отвечали: ваш сын на полигоне.

И награды боевые у меня имеются, и удостоверение ветерана боевых действий. Я двадцать лет этот документ в военкомате не получал, ни разу до сих пор его никому не показывал, ни о каких полагающихся льготах даже не задумывался. Мне почему-то стыдно, все-таки не за свою страну воевал, а удостоверение – точно такое, как у моего отца, который воевал за свою страну, за Родину и дошел до Берлина.

Вернулся в институт после армии в 1974-м. Наш ВУЗ тогда строился. Причем возводили новое здание сами студенты – слушали лекции и одновременно работали на стройке. По утрам строили, а по вечерам учились. И невероятно гордились, будто возводили свой дом. Да так оно и было. Тогда я и освоил массу профессий, в том числе учился водить автомобиль, получил водительское удостоверение. Потом пришлось и за руль автобуса сесть. Как и почему это произошло, расскажу в следующей главе.

В это же время познакомился с Надей. Я был тогда упакованным привлекательным парнем после отоваривания египетских фунтов – в фирменных джинсах, в модных рубашках разных цветов. Гарный хлопец – не иначе.

Все случилось по обыкновению, как подобное чаще всего и происходит. Моя знакомая как-то позвала на вечеринку, и там я увидел симпатичную девчонку, совсем молоденькую – восемнадцать лет ей было. Она находилась на практике в Белгороде и готовилась поступать в один из харьковских вузов. Мне всегда нравились привлекательные девушки. А у Нади была какая-то своя, только ей присущая красота. Яркая брюнетка с большущими глазами. Позже будущая жена призналась, что в первый момент ей больше всего понравились ямочки на моих щеках.

Как это было принято в те годы, я пригласил девушку в кино. В буфете кинотеатра купил ей шоколадку, но во время сеанса как-то невзначай сам ее и съел. Видимо, фильм меня так увлек. А Надю это так рассмешило, что она долго не могла остановиться. Между тем эта шоколадка, точнее, мой дурацкий прокол, только сблизил нас. Мы как-то сразу перешли на «ты», стали регулярно встречаться.

Это продолжалось полтора года. Когда я понял, что у нас все серьезно, решил познать Надю с мамой. Ее реакция меня несколько не удивила: «Хорошая девчонка! Надо брать!» И мы стали жить вместе большой, дружной семьей. Естественно, через какое-то время зарегистрировали брак, все формальности были соблюдены, на это ушло несколько месяцев. Само собой, родители устроили нам шикарную, по тем временам, свадьбу.

На первых порах нелегко пришлось – наверное, как большинству молодых семей в те годы: оба работали и учились. Но мы были молоды, любили друг друга, и это помогало нам справляться со всеми тяготами первых лет совместной жизни. Надя стала для меня настоящей жизненной опорой, мощным тылом. Я всегда был уверен в своей супруге, и она отвечала мне тем же. Поэтому рядом с ней все трудности казались пустяшными.

Примерно в это же время, когда я заканчивал второй курс, в институте появился Юрий Наумович Венгеровский, выдающийся волейболист, человек, который сыграл в моей жизни

ни едва ли не главенствующую роль. Но об этом чуть позже.

Когда же у нас появилась первая крохотная однокомнатная квартира, мне казалось, что мы неожиданно оказались в раю. Свой дом, своя крепость, мы живем своей семьей. Собственная жилплощадь у нас теперь имелась, только вот дома я бывал редко: спорт, волейбол, Венгеровский, команда притягивали, как магнит: постоянные сборы, соревнования, позже зарубежные поездки.

Со временем приобщил к спорту всех членов семьи – а она у нас разрасталась: вначале одна дочь родилась – Яна, потом вторая – Валерия. Очень их любил и люблю, но воспитанием детей занималась больше мама. Я почти не бывал дома, ездил по стране и детей видел редко. В то время у меня уже была цель: создать первый в стране профессиональный волейбольный клуб.

Дети выросли как-то очень быстро, для меня почти незаметно. И сегодня обе замужем и подарили мне уже пять внучек и внука. Семья у нас замечательная. С женой Надеждой мы вместе сорок два года. Всегда она мне помогала, поддерживала, а ведь характер у меня взрывной, человек я непростой, непредсказуемый. Всегда был занят, такую жизнь не каждая выдержит. За это я благодарен своей семье. Старшая из внучек – Аделина – учится на экономическом факультете МГУ. Близняшки-школьницы Арина и Алиса – все в отца Тараса Хтея, олимпийского чемпиона – высокие, длинно-

ногие, крепенькие. Обе рукодельницы – вышивают, делают украшения из бисера, несколько лет занимались спортивными танцами. Но я настаиваю, чтобы они перешли в волейбол, хотя и Яна, и Тарас против. Не знаю, что из этого получится, но пока полемика по этому вопросу продолжается. А я не сомневаюсь, что обе при соответствующей работе могут стать классными игроками. Арсений, сын Валерии, младшей дочери, серьезно занялся плаванием, уже даже юношеский разряд заработал, а также увлекся дзюдо.

Самые маленькие внучки – Агния и Ника (от греческого «победа»), наше с бабушкой на сегодня главное богатство, мы в них души не чаем.

Этот мудрейший игрок – Венгеровский

Волейбол меня привлекал с самого детства. Даже трудно сказать, чем именно приглянулась мне эта игра. Наверное, своей доступностью и кажущейся простотой. Тогда мячом через сетку играли чуть ли не в каждом дворе, а уж в парках-то бывало на нескольких площадках сразу целые битвы устраивали. Расходились по домам, только когда мяч уже различить в темноте нельзя было.

Сегодня такое увидишь редко, да и то скорее в Москве, чем где-нибудь на периферии. Понимаю, время изменилось, у молодежи появились другие приоритеты. А как приятно бывает, когда вдруг нет-нет, да заметишь на каком-то пяточке между высотками копошащихся людей и летающий через сетку мяч, где, невзирая на возраст, до позднего вечера рубятся подлинные фанаты волейбола. Сразу бальзам по душе разливается.

Но это были и остаются большей частью любительские разборки, хотя и очень даже принципиальные. Мне же по молодости хотелось увидеть игру настоящих мастеров. Увы, в Белгороде таких днем с огнем было не сыскать. По телевизору же если что в те годы и показывали, так только футбол с хоккеем. Да и то на уровне сборных – матчи чемпионата

страны даже по этим, считавшимся главными видами спорта в стране были большой редкостью. Чего уж говорить про волейбол. Благо Харьков с его давними волейбольными традициями был неподалеку.

В середине прошлого века Белгород и Харьков были не просто города-соседи, а в самом прямом смысле города-побратимы. Причем для нашей белгородской «деревеньки» украинский миллионник был, если хотите, своеобразным Парижем.

Я знал, что в Харькове есть классная мужская волейбольная команда, и при первой же возможности ездил туда посмотреть полюбившуюся игру в исполнении настоящих профессионалов. Они считались либо студентами, либо инструкторами физкультуры, либо были приписаны к какому-то заводу, которых в Харькове – пруд пруди, но все знали, что их главным занятием был спорт, в нашем случае волейбол.

Именно там я впервые увидел в игре Юрия Венгеровского, который надолго, нет, что это я, – навсегда стал для меня эталоном сначала игрока, а позднее тренера. Никогда не забуду, как он неся за улетающим куда-нибудь на пятый ряд переполненных зрителями скамеек на харьковском стадионе «Динамо» или в городе Сочи в парке «Ривьера» на летних площадках, не обращая никакого внимания на дам в гипюровых платьях и модных шляпках. Но те вовсе не обижались на самоотверженного игрока и, напротив, отпускали ему за

храбрость и находчивость свою порцию заслуженных аплодисментов.

А какая праздничная атмосфера царила вокруг этих бескомпромиссных сражений на динамовских площадках, что в Харькове, что в Москве. Да разве такое забудешь – на матчи классных команд ходили, как в кино или даже в театр. Потому что там ты становился свидетелем уникального зрелища, этакого импровизированного спектакля, поставленного не по какому-то заранее написанному сценарию. На твоих глазах происходило уникальное действо под названием волейбол.

Фамилии многих игроков я уже знал, читал про них в прессе, в «Советском спорте» чаще всего – в других газетах о волейболе писали совсем мало, или в журнале «Спортивные игры». А такие имена, как Георгий Мондзолевский, Юрий Поярков, Валерий Калачихин, Юрий Венгеровский, значили для меня ничуть не меньше, чем фамилии самых любимых народом в моем детстве актеров – Петра Алейникова или Николая Рыбникова.

8 мая 1984 года я оказался в Харькове в историческое время, я один там был из Белгорода и каждый день ездил на товарищеские игры между командами сборных СССР и США в рамках подготовки к Олимпиаде 1984 года в Лос-Анджелесе. В последнем из четырех товарищеских матчей после четвертой партии в перерыве игроки и тренеры сборной команды СССР узнали, что они не едут на Олимпий-

ские игры в США. Волейболисты были очень расстроены и подавлены. Официальная причина бойкота Олимпиады была связана с неудовлетворительным уровнем безопасности на Играх в Лос-Анджелесе. Это решение было принято Политбюро ЦК КПСС, в отличие от сегодняшней ситуации, когда решение об отстранении российских спортсменов от участия на Олимпиаде в Пхёнчхане 2018 принимает Международный олимпийский комитет. Тогда Олимпийские игры в СССР были заменены Играми доброй воли по всем видам спорта. По стечению обстоятельств через тридцать лет, в 2014 году, в Харькове в этом же Дворце спорта мы стали свидетелями еще одного исторического события: состоялся съезд депутатов юго-восточного района Украины с участием глав Брянского, Ростовского и Воронежского регионов, губернатора Белгородской области в присутствии представителей движения «Украинский фронт». Делегаты украинской стороны выступили за неделимую и целостную страну. Но, к сожалению, сегодня мы видим совсем другое, отношения Украины и России остаются крайне напряжены и в ближайшее время улучшения пока не предвидится.

* * *

Но больше всех меня почему-то уже тогда привлекал именно этот человек. Не обладая выдающимися физическими данными даже в те времена, когда волейболисты были

несколько ниже и не настолько атлетичны, как в наши дни, Юрий Наумович выделялся среди прочих.

По рассказам самого Венгеровского и некоторых очевидцев его жизненных и спортивных ситуаций, ему было далеко непросто завоевать место в дюжине игроков сборной – слишком много конкурентов было на позицию связующего. Собственно, я их уже перечислил выше. И его кандидатуру всегда ставили под сомнение, когда требовалось сделать окончательный выбор. Тем не менее он делал все, чтобы доказать, что именно он, а не кто-то другой должен ехать на главные соревнования, и действительно добивался своего и надевал форму сборной, которая выигрывала потом награды, в том числе и самое первое олимпийское золото в волейболе на Играх в Токио в 1964 году.

И хотя начинал Наумыч свою волейбольную карьеру в родном Харькове, где появился на свет 26 октября 1938 года, настоящее всенародное признание получил в Алма-Ате, тогдашней столице Казахстана. В эту азиатскую республику он попал вместе с родителями в середине пятидесятых годов, куда молодежь со всех уголков страны по призыву комсомола отправлялась покорять целинные земли. Они-то и взяли с собой сына-старшеклассника, который не мог послушаться старших Венгеровских.

Впрочем, в Алма-Ате ему сразу нашлось место во флага-не республиканского волейбола – «Буревестнике». Вот как описывал в своей повести о культовом игроке из Казахста-

на «Зангар» появление юного таланта в команде его бывший партнер Юрий Михайлов: «Он, пожалуй, был самым опытным в команде (в неполные восемнадцать лет! – *Прим. авт.*), с хорошей игровой практикой в больших чемпионатах. В АлмаАту Юра переехал уже имея звание мастера спорта. Поиграл в харьковском «Буревестнике» и юношеской сборной Союза. Он был единственным в команде, кому все вообще разрешалось и все прощалось, потому что считался таким же талантливым игроком, как и Зангар, и таким же, как он, великим тружеником на площадке. Авторитетов в волейбольном мире для него не существовало. Зангар – молния. Юрка – мудрейшая кошка, ждущая свой момент и терзающая свою жертву обманными головоломками...»

А вот еще один отрывок из этого же произведения: «Он никогда не лез в лидеры атак, хотя играл надежно и на первой линии. Он... связующий, причем потрясающий, гибкий и всегда готовый к приему мяча и прыжку, как кошка, пантера, рысь. Зачем ему рваться в высоту... У него бесподобное чутье полета мяча. Обычный элемент работы с тренером: ты – в стойке, он – с мячом в нескольких метрах от тебя. Он обманно кидает мяч, надо угадать направление полета и достать его «по-волейбольному», что-то сродни вратарю, которому пробивают пенальти. У большинства из нас оценки были от единицы до трех, а у Юрки – пятерки, четверки появлялись случайно, как в его аттестате, правда, в обратном смысле. Но мы все понимали, что он – волейбольный гений».

Речь шла о команде из Алма-Аты и ее игроках. Между прочим, очень приличной по тем временам. Но об этом я узнал много позже. Я же, со своей стороны, сразу обратил внимание, что Юрий Наумович – человек стоического трудолюбия, невероятной целеустремленности, адского терпения, доходящего до фанатизма.

Кстати, свою первую взрослую серьезную награду в волейболе Венгеровский завоевал, будучи игроком алма-атинской команды, – это была бронзовая медаль чемпионата Европы. А было тогда Юрию Наумовичу каких-то девятнадцать лет. И стать бы ему величайшим из великих...

Но произошел нелепый случай. Вовремя одного из матчей второй Спартакиады народов СССР в 1959 году на стадионе «Динамо» он прыгнул за мячом в толпу и случайно зацепил кого-то коленом. Зритель оказался не из простых – и фамилию Венгеровского долго потом вычеркивали из всех списков кандидатов в главную команду большой страны. Почти три года игрок отбывал «наказание» ни за что. Об этом я узнал много позже от московских любителей волейбола, которые были старше меня.

«Прощение» пришло в 1962 году за несколько месяцев до домашнего чемпионата мира, когда Венгеровского призвали в армию и он надел форму знаменитого клуба ЦСКА, а потом вновь и сборной СССР. В неполные двадцать четыре года игрок стал чемпионом мира, в двадцать пять – олимпийским чемпионом, еще через год, в 1965-м, в составе сбор-

ной СССР выиграл Кубок мира в Варшаве, в 1966 году вместе с бронзовой медалью чемпионата мира в Праге получил от организаторов приз лучшего игрока советской сборной. А потом...

Потом он продолжал играть за свой родной харьковский клуб вплоть до 1972 года, был любимцем публики и наверняка получал бы на каждом турнире призы зрительских симпатий, если бы таковые в те годы вручались: люди ценили целеустремленность связующего, его заряженность на борьбу за каждый мяч в каждом игровом эпизоде.

Но вот в главную команду страны ему путь был заказан. Трудно сказать почему. Появились «честолюбивые дублеры»? Не исключаю. Но больше, наверное, облеченным властью решений людям не по нраву был строптивый характер этого игрока, который с годами проявлялся все отчетливее.

* * *

Для него важнее волейбола в жизни ничего не существовало, хотя Наумыч в то же время не гнушался никакими благами. По этому поводу приходилось читать, да и самому наблюдать, любопытнейшие преобразования вначале выдающегося игрока, а позднее известного тренера.

В середине шестидесятых годов прошлого века Венгеровским, который был лидером харьковского «Буревестника», заинтересовались в Луганске, и вопрос о его переходе в мест-

ную «Звезду» решал, что случалось в исключительных случаях, тогдашний первый секретарь обкома КПСС, большой поклонник спорта Владимир Шевченко. Договорившись о зарплате, партийный меценат спросил, какие еще есть пожелания. Игрок попросил квартиру («будет»), четырехкомнатную («будет»), в центре города («будет»), автомобиль («будет»), не «Москвич», а «Волгу» («будет»), и непременно черную («пошел вон!»). Аудиенция закончилась. Переход не состоялся.

Для юных читателей объясню, что по тем временам, когда иномарок на советских дорогах не было вовсе, на черных «Волгах» ездили исключительные партийные и хозяйственные руководители в областных центрах. В столице же власть предрержащие передвигались на «Чайках» или ЗиЛх...

Так, до конца своей игровой карьеры, талантливый игрок по тем временам оставался в Харькове. Потом пробовал себя на тренерской работе. А вообще завершать выступление за сборную в двадцать восемь лет – рановато, согласитесь. И хотя имя харьковчанина называлось всегда в числе лучших игроков чемпионата страны, тренеры сборной, повторяю, более не приглашали его даже на сборы. А ведь он вполне мог поехать и на Игры в Мехико в 1968-м, и даже в Мюнхен в 1972-м...

«Волейбольный поединок длится до финального свистка судьи, и пока он не прозвучал, пока последнее очко не разыграно,— всегда есть шанс выйти победителем»,— эта фраза Венгеровского игрока, а позднее тренера стала девизом всей его жизни в большом спорте. И я взял ее на вооружение и перенимал его опыт.

Познакомились мы в Белгороде в середине семидесятых годов. Юрий Наумович к этому времени успел поработать с различными командами, но надолго нигде не задерживался. Он оказался в моем родном городе по приглашению ректора Белгородского государственного технологического института строительных материалов Вилена Алексеевича Ивахнюка, кстати, бывшего волейболиста, во времена своей учебы в Харькове выходившего на площадку вместе с Венгеровским.

Ивахнюк вдруг загорелся идеей создать институтскую волейбольную команду, которая смогла бы конкурировать с другими вузовскими коллективами в стране. А поскольку у ректора были далеко идущие планы, он пригласил тренировать студенческий коллектив, в который на первых порах влились все волейболисты, выступавшие за сборную Белгородской области, не кого-нибудь, а своего старого знакомого, к тому же олимпийского чемпиона и заслуженного мастера спорта.

Именитый спортсмен тут же всерьез взял быка за рога, как, кстати, делал это всегда. Он устроил «смотрины» для всех мало-мальски проявивших себя в нашей игре белгородских игроков в спортивном зале завода «Сокол». И вскоре отобрал необходимую дюжину. Задача формулировалась четко: через два года войти в первую лигу чемпионата СССР, еще через два – в высшую.

Среди прочих отозвался на призыв Венгеровского и я. Оказался примерно двадцать пятым среди тех, кому хотелось заниматься под началом мэтра. А мы считали его именно таковым.

Я сразу понял, что он искал не только игроков хоть какого-то, по меркам того времени, приличного уровня, но и своих единомышленников, которые были готовы пойти за ним в огонь и в воду, преодолевать любые преграды. Наверное, почувствовав мое состояние и желание пусть не играть, но хотя бы помогать ему во всем, тренер оставил меня вместе с остальными «избранными». Понятно, что совсем не волейбольный по своим физическим данным, я в состав не проходил, но помогал новому тренеру чем только мог, выполнял любую работу. И во все глаза смотрел, что делает знаменитый в недавнем прошлом волейболист, «в рот ему заглядывал», ловил каждое слово, каждый жест.

С приходом Венгеровского в белгородскую студенческую команду отношение к волейболу в городе начало приобретать профессиональные черты. Вообще сегодня даже трудно представить, как проходили наши первые занятия: в центре институтского спортзала тренируется волейбольная команда, а вокруг по периметру бегают до двухсот студентов, идут академические занятия, разминаются представители других видов спорта. Условия были жуткими.

Разумеется, это не нравилось Юрию Наумовичу, ведь он попытался с самого начала все поставить на профессиональные рельсы: добивался талонов на питание для игроков, попытался убедить институтское руководство, что зал надо разделить, что команду надо одеть в нормальную форму, что, наконец, играть надо не отечественными мячами со шнуровкой, а нипельными чешской фирмы «Gala». Которые, к слову, достать было практически невозможно, даже имея связи в Москве. Да, еще важно было добыть кроссовки, которые начала выпускать только-только построенная в канун Олимпиады-80 известной фирмой «Адидас» фабрика.

Для игроков в то время было в диковинку все, что предлагал новый тренер: регулярные тренировки по два раза в день, в общей сложности пять-шесть часов с понедельника по пятницу плюс одно занятие в субботу. К таким нагрузкам

надо было привыкнуть, но тренер убеждал, что только благодаря именно такому серьезному отношению к делу возможно добиться поставленных целей. И игроки терпели и четко выполняли тренерские задания.

Когда же выезжали на сборы в Борисовку, в спортивно-оздоровительный институтский лагерь, Наумыч проводил даже по три тренировки в день. Начиналось все с зарядки – из-за измороси трава по утрам была еще белой, будто запорошенной снегом. Но мастер своего дела первым при этом нырял в воду, а мы, глядя на тренера, не имели права показать свою слабость и следовали за ним.

Да Юрий Наумович не ограничивался только тренировками. Он постоянно рассказывал своим воспитанникам, что происходит в волейбольном мире, как выступают сильнейшие сборные, как играют известные отечественные и зарубежные мастера. Задавал домашние задания, требовал ответов. И это тоже дисциплинировало подопечных.

Причем у команды постепенно появился свой стиль игры, который сегодня, к сожалению, забыт, – скоростные действия на сетке с множеством комбинаций: «марита», «козел», «взлет сзади и спереди», «крест», «обратный крест», «волна»... И все это требовалось исполнять как можно быстрее. Отрабатывались взаимодействия связующего с игроками до автоматизма. Все эти тактические схемы-стрелы висели у каждого над кроватью в общежитии, где нам выделили целую секцию из пяти комнат. Таким образом, он, Юрий На-

умович, буквально лепил игроков – других-то не было, пришлось ориентироваться только на тех, кто был под рукой.

* * *

Я действительно от и до прошел «университеты Венгеровского». Впрочем, достаточно быстро понял, что большим волейболистом, даже при всем старании и отдаче, мне не стать. Но и к волейболу, во многом благодаря учителю, прикипел основательно. Тогда-то и закралась мысль стать по теперешним меркам менеджером. В то время подобного слова даже в лексиконе не существовало – администратор, начальник команды, так было точнее. И в итоге я оказался тем самым связующим звеном, которое соединяло ректора «Технолога», как и по сей день в Белгороде называют теперь уже университет, и главного тренера команды. Потому что напрямую они общаться не могли.

Сам однажды был свидетелем весьма показательного случая. Тренер сразу после тренировки, в пропитанной потом майке, с вытянутыми в коленках тренировочных штанах, зашел в приемную к ректору, бросил секретарше: «Мне срочно надо к Вилену Алексеевичу!» – и прямым ходом в кабинет. Несчастливая женщина, как Матросов на амбразуру, кинулась наперерез с возгласом:

«К нему нельзя, у него Ученый совет заседает, профессора, преподаватели!» «Сколько их там, профессоров этих?» –

ничуть не смущаясь, наступал Наумыч. «Восемь», – услышал в ответ.

«Их – восемь, а я – один олимпийский чемпион». И вперед – в кабинет. А там разыгралась уникальная сцена, когда маэстро на полу стал демонстрировать ректору на глазах у изумленных членов Ученого совета какие-то игровые действия.

Что же до особых условий, различных благ, которые требовал для себя Венгеровский, то это было больше для самоутверждения. Потому что он таки ушел из жизни ни с чем. На утренней тренировке, прямо на площадке, в пятой зоне... На моих глазах все произошло...

К сожалению, наше общество так устроено, что большая его часть просто не способна осознать, что это за звание – олимпийский чемпион, не понимает, что эти люди сделали для страны, для ее имиджа, славы, наконец. Что к этим уникальным личностям надо подходить с пониманием, иногда даже прощать мелкие прегрешения и с определенной долей скепсиса относиться к большим запросам, но по возможности их удовлетворять.

По Белгороду Юрий Наумович не разъезжал на черной «Волге» и квартиру большую не имел. Правда, привередничал, выбирая жилье. Как-то зашли в новый дом, который он выбрал, а в одной из комнат в углу труба-стояк: «Нет, эта квартира мне не подойдет, предлагайте другую!» Вот такой он был – и ничего с этим нельзя было поделать.

Главное, результаты действительно пришли – количество и в самом деле переросло в качество: всего за какие-то несколько месяцев стоических тренировок а-ля Венгеровский «Технолог» смог занять второе место в Кубке Центрального совета ДСО «Буревестник».

Мы три года подряд соревновались с такими по тем временам знаменитыми студенческими коллективами, как МВТУ и одесский «Политехник». Мне больше всего запомнилась какая-то принципиальная встреча в нашем зале с одесситами, за которых в то время играли Владимир Полтавский, Виктор Алешин, другие. А в зале не было ни трибун, ни балконов. Так зрители усаживались прямо на полу вокруг площадки еще за четыре часа до начала матча.

Для провинциального Белгорода встреча с одной из команд высшей лиги была событием необычайным. Да и сам волейбол белгородцы еще только-только открывали для себя, знакомились с этой удивительной игрой. Помню, уступили мы тогда в пяти партиях...

Фаната волейбола, Юрия Наумовича, все еще тянуло на площадку, несмотря на солидный возраст. Потому после родного Харькова он соглашался выступать в качестве играющего тренера за ростовский СКА и за куйбышевский «Автомобилист», даже отправился ради возможности играть

на далекую Камчатку, где создали волейбольную команду «Спартак». Она, правда, просуществовала недолго. Тогда Юрий Наумович решил переквалифицироваться в таксисты. Он, кстати, какое-то время поработал водителем не только в Петропавловске-Камчатском, но и в родном Харькове. Не от хорошей жизни, понятное дело, материальная сторона всегда за этим стояла.

Однажды он и из меня хотел сделать таксиста или кого-то наподобие. Дело в том, что в студенческие годы я ездил на грузовичке ГАЗ-51, когда мы свой институт строили, – я рассказывал уже, как мы одновременно учились и строили новый корпус родного вуза. Но с тех пор несколько лет прошло.

А тут ректор Вилен Алексеевич выделил команде целый автобус – ПАЗик. Это было уже что-то. Транспорт-то у нас свой появился, а о том, кто будет автобусом управлять, речь даже не заходила – такой должности в заштатной команде, понятное дело, быть не могло. «Вот на автобусе на свой сбор в Сочи и поедете, – напутствовал Ивахнюк. – А водителя ищите и договаривайтесь с ним сами». Мы, кстати, к тому времени несколько лет подряд проводили сборы в Сочи.

Искать, понятно, никого не стали. Первым сел на водительское место сам Юрий Наумович. Проехал недолго, несколько десятков километров. А потом мне говорит:

«Давай, садись за руль!» Я, разумеется, ни в какую: «Да я в жизни за рулем автобуса не ездил. А тут людей везти». В ответ запелляционный приказ: «Садись, я сказал!», да еще

и «красным» словом приукрасил свою речь. Ослушаться я не смел – действительно сел и поехал. А еще и кашу варил, и мячи качал, и заменял тренера, когда он вдруг исчезал на несколько дней (я еще расскажу об этом). Чего мне только делать не приходилось.

* * *

Волейбол не отпускал Наумыча, игра, мяч тянули на площадку. Уже я был главным тренером «Аграрника», как тогда называлась команда, а он все еще выходил на площадку. И страшно возмущался, когда я его менял на кого-то из ребят помоложе. Он всегда считал, что был и остается самым сильным игроком. И – не поверите! – в пятьдесят шесть лет Венгеровский получил приз лучшего игрока международного турнира в Нюрнберге, выступая в качестве играющего тренера самобытного по тем временам харьковского клуба «Спецэлеватормельмаш». Еще через год он привел свою команду к победе на европейской Маккабиаде в Амстердаме вместе с партнерами по сборной России, которые годились ему в сыновья. Он мне тысячу раз говорил, что хочет попасть в Книгу рекордов Гиннеса, чтобы я готовил соответствующие документы: ни один игрок в волейболе не играет в возрасте пятидесяти шести лет. Не в ветеранской команде, а в самой настоящей.

Как-то в порыве откровения Наумыч признался мне: «Я

к тебе долго присматривался. Мне было интересно, как ты себя поведешь в той или иной обстановке. Пьешь ты или не пьешь? Сможешь руководить людьми или нет? В конце концов понял, что ты из тех, кто переживает за дело и умеет верно анализировать ситуацию». И учитель начал делиться со мной своими секретами, как дедушка-сапожник передает внучку только ему известное умение тачать сапоги. Но всегда подчеркивал и, как показала жизнь, не зря: я тебе рассказываю о нюансах игры в волейбол, об отдельных секретах, а ты их никогда и никому не рассказывай.

Когда же я, наслушавшись постоянных упреков от спортивных чиновников, работающих в сфере спорта высших достижений в Белгородской области (правда, и большого спорта тогда почти не было, за исключением Юрия Куценко, серебряного призера Олимпийских игр 1980 года, и мастера спорта международного класса по пулевой стрельбе, первой чемпионки мира среди белгородских спортсменов – Галины Жариковой), о том, как я могу руководить командой, не имея ни спортивного, ни педагогического образования, решил получить еще один диплом, мой учитель был недоволен этим решением. Он, кстати, всегда был категорически против, чтобы и ребята учились самым серьезным образом и получали отличные оценки на экзаменах, получали высшее образование: «Мне важно, чтобы игрок полностью отдавался волейболу, а учеба – его личное дело».

Да, Юрий Наумович жил исключительно волейболом и, словно надев шоры, кроме игры и всего, что с ней было связано, ничего другого вокруг не видел. Из-за этого все изменения в стране и в мире проходили как бы минуя его, реальная жизнь тренера не интересовала, из-за чего он многого так и не познал, но был очень умным и грамотным. Так, до конца жизни Венгеровский оставался человеком инфантильным, во многом зависимым от обстоятельств и окружения. Этим, и только этим объясняю его недуг, причем страшный: он был человеком пьющим, сказал бы, даже запойным. Причем, если хоть немного алкоголя попадало в его организм, он не мог сдержаться, остановиться, пропадавал на несколько дней, а то и больше, не раз уезжал из Белгорода. И вся работа команды на это время останавливалась. Тогда-то мне и приходилось заменять тренера. Я понимал, что через несколько дней его верну, что сойдет пьяная пелена с глаз и он вновь будет вести тренировочный процесс. Но чтобы команда продолжала работать, требовалось ею руководить и без внезапно «захворавшего» тренера.

К тому же я знал, куда он обычно исчезает и где его искать в подобной ситуации: в Лозовеньках, неподалеку от Харькова, где на одной из спортивных баз за ним была закреплена комнатка в какой-то халупе.

Не берусь осуждать своего учителя, да я и не вправе давать какие-то оценки. Но все эти срывы происходили, судя по всему, из-за неразделенной любви. Вообще мне кажется, что женщина, с которой он жил в последнее время вплоть до внезапной кончины, была не его человеком. Ее влияние на Наумыча было колоссальным, и при желании она могла бы остановить все его закидоны. Вместо этого она разделяла с ним застолье.

Мне было больно и обидно. Особенно когда видел своего кумира лежащим почти в беспомощности на серых нестиранных простынях в сырой комнатенке с плесенью под потолком и невымытыми тарелками.

Я несколько раз забирал его, сажал в машину и возвращал в Белгород. А эта пьяная женщина каждый раз ехала за ним. Мне кажется, любви там не было, хотя у пары и родился сын Игорек. Причем мы им дали квартиру в Белгороде, где они жили до смерти Венгеровского. Недавно, рассказывали, бывшая жена Юрия Наумовича перебралась обратно в Харьков, и ее дальнейшая судьба мне не известна. Вот первая жена Наумыча – Тамара Поликарповна, была совсем другой: красивая женщина, умная, талантливая художница, родила ему двоих детей: сына и дочь. Она недавно тоже ушла из жизни... Старший сын – Алик Венгеровский – был волейболистом, гражданином Австралии, в последнее время работал в нашем клубе, тоже, к сожалению, рано ушел из жизни. Дочь Наталья со своей дочерью Станиславой живет в Харькове и

работает в системе высшего образования.

* * *

Окончательно Венгеровский по моему настоянию вернулся в Белгород, когда название «Белогорье» с различными приставками и без оных стало уже известным брендом в волейбольном мире, когда были завоеваны первые награды. Я не мог спать спокойно, зная, что человек, который вывел меня на большую волейбольную дорогу, находится не у дел.

И игроки относились к Наумычу с огромным уважением. Да и как можно было иначе относиться к этому человеку, если он все про каждого знал, исключительно для того, чтобы ничто не мешало парню отдаваться волейболу полностью. А не дай бог тренировка проходила на воздухе даже не при минусовой температуре, а где-то в районе ноля градусов, так он лично проверял, чтобы все волейболисты надели кальсоны с начесом. Специалист волейбола все это связывал с функциональной деятельностью игрока. Сегодня так об игроках не заботятся. Во всяком случае, мне о подобных примерах слышать не приходилось.

Между прочим, именно Венгеровский подсказал, в каком месте должна находиться база команды. Именно он настоял, чтобы там обязательно оборудовали тренировочный зал. А поскольку выделенная площадка была ограничена по длине, ширине и, самое главное, высоте, пришлось копать двена-

дцатиметровую яму, чтобы арена более-менее соответствовала необходимым стандартам современного волейбола. Мы с ним буквально жили на этой базе.

Когда в декабре 1997 года меня выбрали главным тренером сборной России, я взял в помощники своего учителя и очень этим горжусь. Хотя возражающих было много. Но я отвечал за результат и настоял, чтобы он не просто числился в моих помощниках, а помогал реально. Тогда ведь еще не было у нас никаких статистиков с компьютерами, скаутов, которые просматривали матчи других команд в параллельных городах, и прочего столь необходимого в сегодняшней работе с любой командой вспомогательного персонала.

Вместе мы поехали на чемпионат мира в Японию в ноябре 1998 года. Присутствие его на скамейке запасных меня стимулировало, хотя в установки на матчи он не встревал – у нас была такая договоренность. А вот накануне очередной встречи еженощно мы спорили между собой до хрипоты, что-то обязательно доказывая друг другу. Мнения наши временами расходились, но ближе к утру все-таки приходили к какому-то консенсусу.

До этого мы тем же самым занимались не раз в моей квартире, мелом на паркете «разрисовывали» все важнейшие матчи клуба, решая, как играть против той или иной команды.

В моем доме Юрий Наумович был своим человеком. Ведь моя семья создавалась на его глазах, и рождение дочерей Наумыч приветствовал. У него был своеобразный лексикон в общении с моими домочадцами: женой и девочками. «Ух, Янка, какая у тебя морда красивая!» – типичное выражение его в общении с моей старшей дочерью. Но ему все прощалось. Потому что это была уникальная личность, не похожая ни на кого.

Мне удалось это доказать на всех уровнях. Так что теперь в Белгороде есть улица и переулок Венгеровского, улица Волейбольная, и мемориальная доска в честь него открыта в институте, где он начинал свою работу в нашем городе.

Его не стало всего через несколько дней после возвращения из Японии с чемпионата мира – 4 декабря 1998 года. Похоронили его на центральной аллее еврейского кладбища в Харькове. И раньше мы всей командой по окончании сезона ездили туда. И я как бы отчитывался перед учителем о сделанном, об одержанных победах. Но сегодня разве туда доедешь? Но я верю, что когда-нибудь и в Харькове, на его родине, появится улица памяти замечательного игрока и тренера Юрия Наумовича Венгеровского.

В зоне турбулентности

В конце 2016 года мы отмечали сорокалетие нашего клуба. Если все эти десятилетия твоя жизнь была связана с «Белогорьем», в такие моменты вспоминаешь все наиболее значимые события, переживаешь о годах поиска истины и огромного счастья от одержанных побед, о людях, которые бок о бок с тобой собирали по кирпичику ныне известное не только в стране – в Европе и в мире – здание.

Сегодня, когда произносят «Белгород», то непременно подразумевают волейбол. Наш вид спорта стал неотъемлемой частью социально-экономической жизни области. А четверть века назад об этом можно было только мечтать. Хотя мой учитель Юрий Наумович Венгеровский не раз повторял, что придет время, когда мы будем на каждую игру надевать модные костюмы и рубашки с галстуком, а зрители будут приходить на волейбольные матчи в красивейший дворец спорта даже в смокингах с бабочками. Я тогда ему подкивал, но верил с трудом.

Сегодня за билетами на матчи нашего клуба выстраиваются очереди, и пятитысячный зал переживающего даже уже не вторую, а третью или четвертую молодость старенького «Космоса» почти всегда бывает заполнен вне зависимости от того, с кем встречается «Белогорье» – с фаворитом из Казани или аутсайдером из Оренбурга.

На Белгородчине волейбол не просто полюбили, наш вид спорта стал культовым. К нам приходят на спортивный спектакль, который мало чем отличается от реальной театральной постановки. Только в театре, в мюзикле, в балете все происходит по заранее написанному сценарию и после десятков, а то и сотен репетиций, а актеры выходят на сцену с зазубренными ролями. В спорте же – в волейболе, в частности, – исполнители тоже выходят на арену после многочисленных тренировок, только до первого судейского свистка никто не знает, что произойдет дальше и как сложится матч-спектакль. Потому что игрокам-актерам приходится постоянно импровизировать, ведь соперник по другую сторону сетки также серьезно изучил все твои сильные и слабые стороны и готов ответить своими заготовками.

Вот тут на передний план-авансцену выходит тренер-режиссер, от знаний и умения которого сориентироваться в непростой обстановке зависит, уйдут ли болельщики-зрители волейбольного спектакля в хорошем настроении либо станут, может быть, не в открытую, а про себя оценивать увиденное нехорошими словами. Я не раз слышал в свой адрес и в адрес игроков очень неллицеприятные слова, нацеленные прежде всего на меня, тренера, то бишь режиссера, не сумевшего подготовить своих игроков-актеров, если постановка не удалась и команда проиграла.

Тут читатель вправе улыбнуться и даже не поверить мне на слово, но после успешных матчей «Белогорья» произво-

дительность труда на предприятиях области повышается, у коров увеличиваются надои молока, а преступность сокращается. Это вовсе не шутка и не штамп, а данные совершенно конкретных людей и руководителей этих предприятий, силовых подразделений, которые всегда были нашими болельщиками. Они в общении между собой на волейболе, точнее после игры, да если еще команда выиграла матч, во время чаепития так часто говорили.

* * *

Восьмидесятые годы оказались этакиими волнообразными. Команда, используя очень красноречивую авиационную терминологию, попала в зону турбулентности. После отъезда Венгеровского, который в очередной раз на что-то (или на кого-то) обиделся, непросто было найти ему замену.

Какое-то время во главе «Технолога» встал Федор Новицкий, внешне импозантный и привлекательный. Каждые две минуты смотрелся в зеркало, поправлял прическу. Вот только как тренер ничего из себя не представлял и надолго в команде не задержался. Пробовали себя в должности главного и Валерий Шевригин, и Анатолий Дрозд, и Иван Андриенко. Менялся и состав – одни игроки уходили, другие приходили, ротация была большой, надолго никто не задерживался.

Команда участвовала в чемпионате РСФСР, но места занимала в середине первого десятка. Зато в Кубке Централь-

ного совета ДСО «Буревестник» 1977 года – вновь второе. Были и кратковременные взлеты. В 1979-м белгородский клуб добрался до второй республиканской ступеньки на турнире в Куйбышеве. Мы завоевали право сыграть в переигровке за выход в первую лигу чемпионата СССР.

Соревнования в волжском городе проходили в начале лета, а переигровка состоялась спустя пару месяцев, ближе к осени, в Каменске-Шахтинском Ростовской области. Среди участников, кроме нас, были очень сильные коллективы из Волгограда, Ростова и Новосибирска.

Но за те несколько недель состав «Технолога» претерпел существенные изменения: троих ведущих игроков призвали в армию. Как ни пыталось руководство вуза, ничего поделать не могло, даже о небольшой отсрочке договориться не получилось. Так что мы вряд ли могли рассчитывать на то, чтобы подняться классом выше и сыграть уже в чемпионате Союза. Потому что за столь короткое время да еще при отсутствии хотя бы элементарных стимулов – социальных или финансовых – найти достойную замену в лице уже готовых выступать на таком уровне игроков не удалось. Своя же детско-юношеская школа, из которой мы и должны были черпать резервы, хоть и существовала, но больше формально, и подготовка молодежи в городе велась хаотично, перспективных молодых игроков там не готовили, да и на юношеских соревнованиях команды школы разных возрастов высоких мест не занимали.

Пришлось играть в ослабленном составе. Потому что тягаться с серьезными конкурентами, каждый из которых ставил задачи непременно выиграть соревнование и завоевать единственную путевку в первую лигу чемпионата СССР, мы были не готовы. Победителем тогда вышел новосибирский «Север», который возглавлял Борис Перлов, а в составе выступали некоторые хорошо известные волейболисты одесского «Политехника»: Павлюк, Алехин, Полтавский, связующий Филиштинский и многие другие. Как они там оказались – одному богу известно. Это если эмоционально. А если прозаически, Борис Перлов был тогда играющим главным тренером новосибирской команды, сам неплохо играл и пригласил с собой этих и других игроков из одесского «Политехника». Но более странным представлялось, как их могли допустить к участию в турнире за команду из совсем другого региона.

В решающем матче сибиряки, усиленные украинскими «легионерами», в пяти партиях обыграли команду Ростова, главным тренером которой был Александр Дьяченко – «Шура танкист», так его звали волейболисты, очень по тому времени хороший связующий. Он долгое время выступал за «Локомотив» из Харькова, поэтому я его знал хорошо. Кстати, на этом пасующем небольшого по волейбольным меркам роста держалась долгое время вся харьковская команда.

Для ростовчан поражение стало тяжелым ударом. Может себе представить, если в захолустный районный центр –

а это не ближний свет, километров двести от Ростова, если не больше, – на волейбол приехало все областное руководство во главе с первым секретарем обкома КПСС. Мне жалко было смотреть на стоявшего в дверях во время финала Сергея Ивановича Гаврилова, замечательного человека, занимавшего тогда пост государственного тренера по волейболу в Спорткомитете РСФСР. Багровое лицо спортивного чиновника доказывало, что все происходившее оказалось для него неприятным сюрпризом: ростовчане и брали себе переходный турнир, чтобы застолбить за собой место в союзном чемпионате. А тут такое...

Кстати, с этой, может быть, и не самой честной победы и началось постепенное восхождение волейбольной команды в миллионном Новосибирске, которое спустя три десятка лет завершилось победой в Лиге чемпионов Старого Света. Вот какая у нас страна огромная, разместившаяся на двух континентах, – клуб, базирующийся в центре северной части Азии, стал лучшим в Европе! Подобное возможно только в нашей великой России...

Мы же уезжали домой несолоно хлебавши. Но для команды, которая находилась в «детском возрасте и только-только училась ходить и складывать буквы в слоги», соревнование в Каменске-Шахтинском стало замечательным уроком во всех отношениях.

В начале 1980 года мы вынуждены были пригласить другого тренера. Пришлось обращаться в Федерацию волейбола

РСФСР. Так в Белгороде оказался Владимир Афанасьевич Переверзев, известный волейбольный судья из Костромы.

Вначале он приехал в Белгород на переговоры, которые проводили ректор института Вилен Алексеевич Ивахнюк и Евгений Григорьевич Самойлов, председатель областного спорткомитета. И только после этого Переверзев был утвержден на должность главного тренера обычной областной студенческой команды.

Нам было приятно, что уже переехавший в Белгород специалист в какой-то момент был вызван в Москву в качестве арбитра, который должен был обслуживать Олимпийские игры. Не в качестве первого или второго судьи – это право на всех такого рода больших соревнованиях доверяют иностранным арбитрам и только одному-двум из страны-организатора. Но все национальные рефери, даже опытные и имевшие международную категорию, обслуживали олимпийские и мировые турниры в качестве флаговых. Это был большой знаковый момент для Белгорода. Вообще должен заметить, что стать мастером спорта в нашем виде спорта, да, в принципе, и в любом игровом, тогда было архисложно. Требования всесоюзной классификации выполнялись неукоснительно.

Да и судейскую всесоюзную категорию, я уж не говорю о международной, нужно было зарабатывать не кровью, конечно, но потом наверняка. Я бы даже сказал, что сто потов требовалось пролить, облетать всю страну и отсудить боль-

ше сотни матчей различного уровня, чтобы доказать свою состоятельность как арбитра. Так что Владимир Афанасьевич достойно представлял нашу область и страну на Играх в Москве.

По возвращении тренер много рассказывал об обстановке в зале и за его пределами, о выдающихся мастерах со всего мира, которые, несмотря на бойкот отдельных стран, приехали в Москву и показали классный волейбол. Вообще Переверзев оказался и отличным специалистом своего дела, прекрасно разбиравшимся в волейболе, хотя звезд с неба не хватало. И ко всему человек оказался замечательный. Тренировки у него были интересными, и игроки трудились с удовольствием.

Как и любой тренер, Переверзев был человек амбициозный и стремился со своей командой занимать как можно более высокие места в студенческой лиге Российской Федерации. Но мне хотелось, чтобы вы поняли: речь шла о любительском волейболе, несмотря на профессиональный подход к тренировочному процессу. Именно поэтому, в конце концов, проработав неполных два года и не видя перспективы создать подлинно профессиональный клуб, в 1982 году Владимир Афанасьевич уволился. И это при том, что переверзев в Белгород семью, где ему предоставили квартиру в профессорско-преподавательском доме. В общем, Переверзев уехал.

Тут надо вернуться на пару лет назад, когда он только по-

явился в Белгороде. На тот момент я работал в спортклубе Белгородского технологического института, и на мне, естественно, лежали все организационные вопросы, имеющие отношение к команде. Разумеется, они были напрямую связаны с учебно-тренировочным процессом, потому что речь шла о выбивании самого удобного времени для занятий волейболистов: спортивный зал-то был один, а факультетов и секций много. Так что приходилось изворачиваться, договариваться, убеждать представителей других видов спорта, что нам важнее заниматься именно в данное конкретное время. Чаще получалось, и ребятам было грех жаловаться – удавалось создавать по тем меркам комфортные условия для тренировок. Когда был свободен, я помогал Переверзеву тренировать, учился у него, как губка, впитывал все детали взаимоотношений с игроками. В конце концов он начал мне доверять, сам подсказывал, что надо делать в той или иной ситуации.

В какой-то момент я увлекся судьейством и добился на этом поприще немалых успехов – получил Всесоюзную категорию. Начинал со студенческих соревнований республиканского уровня, позже всесоюзного. Затем мне доверили обслуживать матчи команд первой лиги чемпионата СССР. И международные встречи приходилось судить, правда, в основном товарищеские, когда к нам приезжали различные команды из Польши, США, Иордании, Алжира.

Позже, уже в российские времена, сопровождал в каче-

стве арбитра во время поездок сборную уже современной России, когда ее возглавлял Виктор Радин. У Всероссийской федерации волейбола были серьезные финансовые проблемы, даже для выездов национальных команд на международные турниры в канун главных стартов каждого года. Старался чем мог помогать – находил спонсоров и средства для поездок, когда по условиям соревнований в составе делегации должен быть судья.

От подобных выездов я получал двойную пользу. С одной стороны, имел серьезную судейскую практику, потому что подобных турниров было немало. С другой, внимательно наблюдал за работой и все запоминал, как проводит занятия в то время один из ведущих отечественных тренеров, наблюдал за тренировками зарубежных соперников российских команд. Через какое-то время, прослушав всесоюзный еще судейский семинар, получил республиканскую категорию. Позже на таких же курсах в Киеве сдал экзамен вместе с и сегодня хорошо известными арбитрами и в ноябре 1991 года получил всесоюзную категорию. И на этом поприще достаточно быстро стал уважаемым рефери за четкость, строгость и неподкупность, что нередко случалось в судейском сообществе. Отсудил на вышке больше ста матчей высокого уровня, обслуживал международные соревнования в Швейцарии, Японии, работал на финальных матчах с участием сборных США, Кубы и даже получил приз «Лучшему судье». Тем самым я еще глубже познавал большой волей-

бол, и это мне, конечно, в дальнейшем очень пригодилось.

Более плотно я начал всерьез заниматься тренерской работой, когда команда оказалась бесхозной и в белгородском волейболе образовался вакуум. Как раз закончили институт ведущие игроки Виктор Дудко, Геннадий Трофимов, Сергей Петрук, Александр Зуйченко. Понятно, что еще молодым и способным ребятам, ставшим дипломированными специалистами, нужно было определяться в жизни. Существовала дилемма: продолжать серьезные занятия волейболом с совершенно неясной перспективой и возможностью для клуба стать в конце концов профессиональным или выбрать гражданскую профессию, полученную в институте. Взвесив все, большинство предпочли пойти работать по специальности, полученной в вузе. В то время я в команде остался практически один.

Посоветовавшись с Юрием Слоновым, который был председателем областной федерации волейбола, я услышал: «Вариантов приглашать иногородних тренеров пока никаких нет, берись за это дело ты», то есть – я. А тут еще произошли перемены в руководстве института...

Я понял, что теперь надеяться на приглашенного специалиста не имело смысла – на тех условиях, какие сложились в «переходные» восьмидесятые, вряд ли кто из серьезных иногородних тренеров мог согласиться перебраться в Белгород. В итоге при поддержке областного спорткомитета мне предложили должность главного тренера. Но все происходило на-

столько скоропалительно, что у меня даже не было времени тщательно все продумать, проанализировать возникшую ситуацию. С 1982 года я начал руководить студенческой волейбольной командой. И даже предположить не мог в то время, что из этого вузовского волейбольного коллектива сможет вырасти мощный профессиональный клуб, который со временем заявит о себе в стране, в Европе и мире.

Так началось мое восхождение на волейбольную вершину как главного тренера и как руководителя клуба – приходилось совмещать эти должности с самого начала. Все продолжается и по сей день. Я отвечал за подготовку команды, ее комплектование, материальное состояние, за тренировочный процесс, да вообще за все. Мало кто верил, что у меня получится, потому и отношение к команде на рубеже 80–90-х годов со стороны властных структур Белгородской области было, мягко говоря, прохладным. А проще сказать – никаким.

Но это меня еще больше заводило: я с детства был воспитан так, что, если брался за что-то новое, пусть даже кажущееся в итоге нереальным, недостижимым, все равно обязан был делать все хорошо. Или вообще не ввязываться в новое дело, если не видел конкретной перспективы.

Вот и пришлось брать бразды правления командой в свои руки.

Убеждение, что волейбол городу нужен, пришло в 1983 году, когда в Белгороде проходил один из туров чемпионата СССР, который, по нашей настоятельной просьбе и после выдачи ряда гарантий на отличное проведение соревнований Всесоюзной волейбольной федерации с выполнением всех условий, нам доверили провести. Подобные «выездные» турниры Всесоюзная волейбольная федерация проводила время от времени – для популяризации нашего вида спорта в городах, где волейбол знали в большей степени понаслышке. И мне, назначенному заместителем главного судьи этого соревнования, нужно было прежде всего подготовить площадку. Ведь наш Дворец спорта, по сути, был сооружен, как типовая ледовая арена.

Дабы не ударить в грязь лицом, пришлось всем миром сооружать настил из досок-сороковок с помощью обыкновенных молотков и гвоздей и класть его прямо на лед. А еще договариваться с троллейбусным парком, чтобы к полуночи подгоняли к Дворцу спорта несколько десятков «рогатых», как часто до сих пор называют троллейбусы, и развозить по домам болельщиков, которые не уходили из зала до последнего свистка судьи завершающего игровой день матча. А как болели белгородцы – зал ходуном ходил!

Тогда, именно тогда я понял, что этот вид спорта будто

бы придуман для нас, белгородцев, что наша область создана для того, чтобы иметь свою волейбольную команду высокого класса, которой можно было гордиться и которая с годами завоюет все существующие национальные, европейские и мировые призы и награды. Наша игра должна была стать той притягательной силой для жителей, которая навсегда завладеет их умами и душами, они влюбятся в волейбол и станут составной частью команды. Потому что без всенародной поддержки нам бы не выжить на первых порах, а впоследствии не одержать таких знаковых побед.

В какой-то момент в середине восьмидесятых в Белгород ненадолго вернулся в тренерский штаб Венгеровский. И вновь все вокруг зашевелилось, задвигалось. Юрий Наумович вновь поставил несбыточную, как казалось, задачу – выйти в высшую лигу чемпионата СССР. Поэтому мы сделали ставку не на молодых и перспективных игроков, а на приезжих «зубров», которые, как нам казалось, были способны вывести команду из затянувшегося кризиса.

Работы у меня прибавилось – надо было все начинать несколько по-иному: прислушиваться к мнению учителя, пристраивать приезжих волейболистов на «работу». Да-да, не удивляйтесь. Вовсе не случайно я взял слово «работа» в кавычки. Ведь в те годы профессионалов в спорте в советской стране быть не могло, а понятие «профессионал» считалось самым что ни на есть негативным, нарицательным, таким же, как «империалист», «банкир» или «миллионер».

Помните, у Высоцкого в песне про хоккеистов: «Профессионалам по разным каналам то много, то мало на банковский счет. А наши ребята за ту же зарплату уже пятикратно выходят вперед...»

Поэтому волейболисты, как и представители всех других видов спорта, были оформлены в лучшем случае инструкторами физкультуры, а чаще всего числились крановщиками, сантехниками, гардеробщиками...

Команда вновь заиграла, вновь выиграла российские студенческие соревнования, была второй на всесоюзной арене. Правда, возрождение продолжалось недолго, потому что Юрий Наумович вновь «подался на вольные хлеба», и созданный тогда нами новый коллектив тоже развалился. Я ездил за ним, уговаривал вернуться и опять продолжить ту работу, которая могла позволить создать команду, о которой мы оба мечтали. Но в тот раз никакие уговоры с моей стороны не подействовали на учителя – он был непреклонен.

* * *

Я прекрасно понимал, что лепить команду нам самим, с помощью только ректора «Технолога», влюбленного в волейбол, и группы таких, как я, энтузиастов, – дело безнадежное. Важна была поддержка, хотя бы моральная, областного руководства. О материальной даже и не мечтал. Но добраться до самого верха мне в те годы было очень непросто. Кто я был?

Для первого секретаря обкома КПСС Алексея Филипповича Пономарева – никто, один из жителей Белгорода. Чем я мог похвастаться? Команды, как таковой, не было, побед даже на республиканском уровне – кот наплакал. А то, что я – судья всесоюзной категории по волейболу, для областного руководителя не имело никакого значения.

Тем более Алексей Филиппович же был в фаворе, его ценили в Москве на Старой площади, где квартировал Центральный комитет партии, он стал Героем Социалистического Труда за успехи в сельском хозяйстве. Белгородская область всегда считалась аграрной, урожай собирали высокий по тем временам.

А тут совершенно случайно, возвращаясь из поездки, встретились с ним в полупустом вагоне СВ поезда Москва – Белгород, он меня пригласил в свое купе. Предложил выпить по рюмке коньяка. Я не отказался. Вот, подумал, повод поговорить о наших проблемах. Вдруг действительно поможет?

Возьми и скажи: «Алексей Филиппович, все у нас на Белгородчине хорошо, город и село строятся, нас хвалят. И по делу. Только вот в спорте мы отстаем почти по всем показателям». В нашей дружеской беседе мы попытались поговорить о спорте вообще и на Белгородчине в частности.

В ответ я услышал откровенное: «Знаешь, мил человек, я в этом вашем спорте ни х... не понимаю».

После сказанного Алексеем Филипповичем разговор о спорте прекратился. А ведь он мог в одночасье решить тогда

любой вопрос, и мы бы не мыкались в конце восьмидесятых по различным республиканским лигам и разномастным кубковым соревнованиям.

* * *

Именно тогда я понял, что «нельзя ждать милости» ни от кого, ходить все время с протянутой рукой, просить денег – трудное и неблагодарное дело. Пришел к выводу, что нужно постараться самим искать спонсоров, наладить контакты с теми организациями, деловыми партнерами и общественностью, которые действительно могли оказать реальную помощь клубу, но при этом и самим определенную выгоду получить. А еще собрать вокруг себя грамотных, инициативных, творческих людей, разбирающихся в предпринимательской деятельности, которые бы могли помочь становлению клуба на первых порах и в дальнейшем. Потому что на рубеже восьмидесятых-девяностых годов прошлого века спорт, как, впрочем, и раньше, после Московской Олимпиады, финансировался по остаточному принципу, а на строительство спортивных арен вообще было наложено табу.

В это сложное время с местными предпринимателями, которые только-только начали выстраивать свой бизнес, как и мы свою команду, договариваться было бесполезно. А еще я следовал заветам Всевышнего: «Делай справедливое и доброе», и он «воздаст человеку по делам его».

Тогда, как и все вокруг, начали мы вести предпринимательскую деятельность. Чем только, естественно в рамках закона, мы не занимались! Постепенно пришли к тому цивилизованному малому бизнесу, чем занимаемся и сейчас. Запустили рекламное агентство, открыли магазин спортивной одежды и экипировки, построили гостиницу с рестораном, там же соорудили тренировочную клубную базу с тренажерным залом, бассейном, медико-восстановительным центром, летним волейбольным стадионом с трибунами, теннисными площадками и с прекрасной прибрежной зоной отдыха для горожан. Как видите, вся эта деятельность имеет прикладное значение и сейчас во многом тесно связана с буднями волейбольного клуба.

Случалось, в клубе возникали сложности с финансами, но, благодаря этой работе, всегда находились средства на текущие расходы.

Постепенно, вставая на ноги с колен, купили небольшой автобус, выезжали на нем на международные матчи и объездили всю Европу. А уж когда начали выигрывать крупные соревнования, основали свою авиакомпанию АОН (авиация общего назначения), в ней с самого основания и по сей день работают на постоянной основе профессиональные летчики – пилоты первого класса: командир Алексей Крупенко и Игорь Гура. Приобрели Як-40, капитально отремонтировали самолет, на авиаремонтном заводе в Минске поставили современную авионику, завод же помог купить новые агре-

гаты и двигатели в смазке. И на сегодня это воздушное судно имеет десятилетний ресурс по всем регламентам и законам гражданской авиации. Это помогает сократить время на дорогу, теперь команде не надо просиживать часами в каком-нибудь московском аэропорту в ожидании рейса на очередной календарный матч куда-нибудь в Новосибирск или Новый Уренгой. Все это идет на пользу игрокам, которым остается больше времени на восстановление. Но я и без того забежал далеко вперед. До клубного самолета, до взлетной полосы предстояла еще многолетняя «рулежка».

* * *

Неразбериха во всех видах спорта, связанная с исчезновением с географических карт великого государства под названием Союз Советских Социалистических Республик, длилась недолго, однако шума наделала много. Но перед тем как это произошло, состоялись два тура чемпионата СССР в первой лиге, первый из которых стал определяющим для нашей белгородской команды.

Он проходил в 1991 году в Одессе с участием хорошо известных и достаточно заслуженных в то время клубов, таких как одесский «Политехник» или харьковский «Локомотив». Оказавшись в Одессе-маме, мы, к своему удивлению, узнали, что по положению каждая команда должна помимо основного выставить еще и дублирующий состав, к чему не

были готовы абсолютно, приехав всего с дюжиной игроков и двумя тренерами – кроме меня, был и еще мой помощник Сергей Новоченко. Нужно было как-то выходить из ситуации, в противном случае нас бы просто не допустили к соревнованиям. И тут у меня родилась идея вписать в заявку, кроме волейболистов, еще и нас с Новоченко в качестве играющих тренеров.

Благодаря моей смекалке, «Аграрник», так тогда именовался наш коллектив, допустили, и команда провела первые игры в новом для себя дивизионе. Это неординарное решение сыграло ключевую роль в дальнейшей судьбе команды. И дело даже не в качестве волейбола, какой мы в то время демонстрировали. Для нас было важнее, что мы оказались в компании с прочими клубами, хорошо известными в Стране Советов. Это было знаковое событие, которое явилось как бы стартовой площадкой для сегодняшнего «Белогорья».

Самое удивительное, что после Одессы второй тур в том же году игрался в селе Анастасиевка, что в Ростовской области, которое даже районным центром не считалось, да и жителей в нем было кот наплакал – тысяча, полторы, не больше. Я уж не говорю, что никаких условий для проведения соревнований в этом, с позволения сказать, сельском поселении не было. Станным было, как Всесоюзная федерация пошла на поводу у главного тренера ростовского СКА Валерия Санько и разрешила там играть. О гостинице в этом селе и слыхом не слыхивали – часть команд разместили в классах

местной начальной школы, в одноэтажной маленькой больнице, часть в зале и на сцене сельского клуба, но большинство жили в частном секторе под крылышком заботливых и гостеприимных казачек. И это зимой, в жуткий мороз. До зала, который, разумеется, не соответствовал никаким требованиям, приходилось добираться, преодолевая огромные сугробы. Ни о каких зрителях и речи быть не могло: им просто негде было сесть. Вот в таких кошмарных условиях проходили всесоюзные соревнования. Поскольку они оказались последними в чемпионате СССР среди команд первой лиги, как раз перед самым распадом великой страны, то оставили на всю жизнь в памяти всех участников из Ростова, Белгорода, Екатеринбурга, Симферополя и других городов самые негативные воспоминания. Подобного неуважения к игре, игрокам, судьям, тренерам я больше никогда и нигде не видел.

* * *

Как известно, первый чемпионат в высшем эшелоне новой страны был организован на скорую руку и прошел в конце марта 1992 года в Универсальном спортивном зале ЦСКА. В однокруговом турнире соревновались семь команд, параллельно выступавших в Открытом чемпионате СНГ. Но уже в сезоне 1992/1993 был разыгран первый полноформатный чемпионат России для дюжины команд высшей лиги.

Для того чтобы определить участников второго по счету всероссийского турнира, командам бывшей первой всесоюзной лиги, чей турнир был прерван и не доигран, дали возможность выяснить отношения между собой в Обнинске Калужской области и определить команды, которые должны были войти в число сильнейших российских клубов и уже бороться с грандами за медали.

В том турнире соревновались команды из Обнинска, Владимира, Твери, Иркутска, Сочи, Екатеринбурга, Ростова-на-Дону. Нам удалось выйти победителями в непростом споре за место под солнцем. Для многих в Белгороде наше попадание в высший свет отечественного волейбола стало неожиданным: не было веры ни в команду, ни в меня как тренера.

Перед тем как направить заявку на участие во втором по счету, а на самом деле первом полноценном чемпионате России, меня пригласил к себе председатель областного спорткомитета, человек весьма влиятельный в области, к мнению которого прислушивались областные руководители. Известно было о его любви к футболу. И поэтому футболисты долгие годы были в городе на привилегированном положении. Спортивный чиновник был предельно откровенен: «Не хочу держать камень за пазухой. Я никогда тебе не верил и команду твою всерьез не воспринимал. Но ты, Геннадий, доказал, что можешь работать и способен выигрывать». Дальше последовали извинения и обещания всесторонней помощи.

На команду и впрямь обратили внимание, нам пошли на-

встречу в различных организационных вопросах. После чего мы могли уже проводить полноценные тренировки и ставить перед собой вполне конкретные задачи. Первая из которых звучала самым конкретным образом: закрепиться в высшей российской лиге – суперлигой она стала называться позже. Надо откровенно здесь сказать, что наш город и область были вовсе к этому не готовы и не имели условий для команд высшего спортивного мастерства. Сначала нужно было что-то выиграть, после этого, если результат заметят, возможно, начнут создавать необходимые элементарные условия. За границей же все совсем наоборот: сначала создают условия, потом требуют результат.

Мы самым серьезным образом готовились к дебюту в высшей лиге. И в самый канун первых матчей, которые должны были пройти в конце октября, нам представилась возможность сыграть в международном турнире в Алжире. Там в то время работал специалист из Казахстана Вячеслав Шапран. Мы победили, но главное, что для команды в новом качестве это был первый международный опыт.

В чемпионате команды были поделены на шестерки, и нам два стартовых тура пришлось играть в Москве.

Свою самую первую игру в высшем дивизионе российского волейбола мы провели 24 октября 1992 года против столичного МГТУ и уступили в трех партиях. Но с этого момента начали отсчет своих игр в чемпионате России, которых на сегодняшний день уже более восьми сотен – по этому

показателю к нам пока и близко не может, и вряд ли сможет в обозримом будущем, приблизиться ни одна из команд суперлиги. 26 сезонов подряд мы играем на высшем уровне, являясь единственным клубом, который бессменно выступает в главном российском волейбольном дивизионе. Старейшая команда суперлиги.

В первом туре мы все пять матчей проиграли. Зато во втором смогли одержать три победы – над МГТУ (ровно через месяц после первого поражения), ростовским СКА и нижевартовским «Самотлором». Причем все эти матчи состояли из пяти сетов, но решающие мы непременно выигрывали.

Уже тогда мне сопутствовала удача, может заметить читатель. Не вижу в этом ничего плохого. Выходит, я – фартовый. Короче, в первом для нас всероссийском турнире мы заняли восьмое место из двенадцати команд. Разумеется, я – максималист по натуре – был не совсем удовлетворен. Но главную задачу мы выполнили – место в высшем российском дивизионе сохранили.

В следующем сезоне сделали еще один шаг вверх в российском чемпионате. Он проходил по той же схеме, что и предыдущий: две шестерки по туровой системе играли между собой в два круга, а затем команды, занявшие в каждой из них три первых места, разыгрывали медали, а оставшиеся – места с седьмого по двенадцатое. Так вот, мы оказались лучшими во второй группе.

Чемпионат завершился 21 марта. А уже на следующий

день «Локомотив», так тогда называлась наша команда, на своем «Икарусе» отправился вместе с болельщиками через пол-Европы, через весь Апеннинский «сапожок» на юг Италии, точнее в Сиракузы, древнейший город на острове Сицилия, для участия в чемпионате мира среди профсоюзных команд.

Мы понимали всю полноту ответственности – все-таки не какой-то заштатный турнир, организованный местной федерацией, а серьезное международное соревнование, в котором принимали участие также команды из США, Франции, Португалии, Австрии, Болгарии, Финляндии, Испании и Италии. Это было очень интересное, но главное – полезное для нас, для становления команды, да и вообще во всех отношениях нужное событие. Выражаясь языком сегодняшней молодежи – подлинная интернациональная волейбольная тусовка. И выступили мы достойно – дошли до финала, где уступили клубу из Финляндии. Домой возвращались удовлетворенные показанной игрой и результатом.

Впрочем, оказалось, что на отдых нам оставалось совсем немного времени. Дело в том, что между двумя национальными федерациями – России и Аргентины – существовала договоренность о том, что вторая сборная страны, которой на тот момент не существовало, отправится в Южную Америку для участия в международном турнире: руководство ВФВ предложило нам сыграть в этом статусе. Ну разве можно было отказаться от столь заманчивого предложения!

И мы полетели в Аргентину. Провели в пути почти сутки и безо всякой акклиматизации чуть ли не с самолета вышли на площадку. Только по прибытии на место выяснилось, что играть предстоит с реальными первыми основными сборными Аргентины, Франции и Чехии в городке Санта-Роса. Мы вышли на площадку в форме национальной команды, и никто даже понятия не имел, что против реальных национальных команд выступает клуб даже не из первой российской шестерки. Зато сами белгородские волейболисты в форме с надписью «Россия» сражались в каждом матче за свою страну. Ни к одному из них я не мог предъявить претензий. Мы даже выиграли один матч у первой команды Франции и заняли третье место.

После столь ответственного выступления, которое, безусловно, сработало на имидж клуба, нас перестали путать с югославским Белградом, а уже называли Белгородом. Мы стали узнаваемыми, волейбольный мир нас признал. И поездка в Аргентину во многом этому способствовала. Потому что, в конце концов, я признался местным журналистам, что под знаменем второй сборной России играл никем не усиленный, не самый известный клуб российской высшей лиги. В ответ мы слышали исключительно комплименты в свой адрес, а потом прочитали немало лестных отзывов о нашем выступлении в Южной Америке.

Новый сезон для нас начался с нескольких знаковых событий. Важным стало участие нескольких наших игроков – Сергея Тетюхина, Владимира Касторнова и Ильи Хитушкина – в турецкой Анкаре в чемпионате Европы среди молодежных сборных. Юниоры завоевали тогда первое место и получили право сыграть на первенстве мира 1995 года в Малайзии, а Тетюхин был признан самым ценным игроком континентального первенства. Одновременно у меня впервые появился помощник с громким именем – Вячеслав Зайцев. Некогда лучший связующий мира, олимпийский чемпион, неоднократный чемпион мира и Европы. Мало того, что я получил грамотного и именитого ассистента, к тому же имевшего определенный опыт зарубежной работы. Имя Зайцева должно было привлечь новых зрителей на трибуны, да и для областного руководства согласие известного спортсмена поработать с нашей командой значило немало: им тоже стало интересно, чем же коренному питерцу приглянулся периферийный клуб из «деревеньки», как я с любовью называл свой город. Вячеслав Алексеевич проработал у нас два года, внес определенную лепту в успешное выступление клуба, но из-за проблем личного характера вынужден был уехать из Белгорода. К слову, сегодня Зайцев живет в Белгороде на постоянной основе.

Между тем команда заметно укрепилась не только новыми игроками, сыграло свою роль и возросшее внимание средств массовой информации: о нас стали писать и говорить. Когда же по итогам четвертого по счету российского чемпионата нам удалось взойти на вторую ступеньку пьедестала, имидж белгородского клуба взлетел на серьезную высоту и с той поры, как мне представляется, только укреплялся. Хотя случались и не самые удачные годы.

Сам чемпионат 1994/1995 получился любопытным. Потому что на его финише оказалось, что команды – занявший второе место наш «Локомотив» и ставшую пятой одицовскую «Искру» – разделяли всего три очка. И это после тридцати семи сыгранных матчей по сумме предварительного и финального раундов.

Мы завоевали серебряные медали! Многие посчитали это случайностью. Но я-то нисколько не сомневался в закономерности такого итога, к которому шли почти два десятка лет. Когда же и через год «Белогорье» (уже не «Локомотив») вновь завоевало российское серебро, никто уже не считал, что мы заняли чужое место. Да оказались единственной командой, которая сумела составить конкуренцию ЦСКА, в составе которого выступало немало именитых мастеров, как на предварительном этапе, так и в финальном турнире.

Шестерка лучших команд вышла в финальный турнир, который проходил в нашем «Космосе». Кстати, в матчах с разездами мы трижды выиграли у будущего чемпиона, а вот

на домашнем финальном соревновании проиграли.

Генеральным спонсором команды стал Стойленский горно-обогатительный комбинат, который согласился нас поддержать, генеральным директором этого предприятия тогда был Федор Иванович Клюка. И мы реально ощутили поддержку известного коллектива. Так что в этих серебряных медалях есть доля тружеников комбината, а первую победу в Кубке России мы посвятили стойленцам.

Знаковым событием стала победа российской молодежи на чемпионате мира в Малайзии, посвященном столетию волейбола. В ее состав входили игроки «Белогорья» Тетюхин, Хитушкин и Петр Кобрин.

Наконец, после весьма продолжительного перерыва, удалось вернуть в Белгород моего учителя – Юрия Наумовича Венгеровского. Причем приехал он не один, а привез с собой из Харькова целую плеяду молодых волейболистов, самый яркий из которых, Александр Косарев, стал в итоге призером Олимпийских игр.

Да, чуть не забыл упомянуть еще об одном событии, которое лично для себя считаю важным, – мне официально были вручены удостоверение и значок заслуженного тренера России.

Перестройка, ускорение, гласность

Помните эти три слова, которые в горбачевские времена – с середины восьмидесятых годов – повторяли по всем телеканалам и радиостанциям, словно слова молитвы «Отче наш». Вот и в отечественном волейболе, в большей степени в мужском, настали такие времена, когда нужно было выстраивать все по-новому.

Результаты мужской сборной – седьмое место на чемпионате мира 1994 года, четвертое на Олимпийских играх-96 и два пятых на чемпионатах Европы 1995 и 1997 – никого не могли удовлетворить: ни спортивное начальство страны, ни руководство Всероссийской федерации волейбола, ни нас, клубных тренеров, ни самих игроков, разумеется, не говоря уже о многочисленных любителях нашей игры.

Нужно было ускоренно и гласно производить перестройку всего волейбольного хозяйства, но, прежде всего, требовалось обновление тренерских кадров главной команды страны. Потому что на протяжении многих лет, говоря о тех, кто может и должен встать во главе сборной, называли одни и те же фамилии, только в разном порядке – Вячеслав Платонов и Виктор Радин. Был даже момент, когда после очередного безмедального выступления мужской сборной Николай Карполь готов был перейти на работу в эту команду. Во всяком случае, публично (в шутку или всерьез – мне неизвестно) за-

являл об этом. Как будто больше и не было в стране специалистов, готовых прийти в главную команду с новыми идеями. Но тогдашние руководители федерации, словно зашоренные, никого вокруг не видели. Или видели, но не решались доверить столь ответственный участок человеку, как им казалось, без должного опыта.

Нужно было с чего-то начинать. И большие волейбольные мужи решили в качестве первого шага изменить систему розыгрыша внутреннего чемпионата.

Все прекрасно помнят, какие это были времена – середина девяностых годов. Большинство участников первенства перебивались, образно говоря, с хлеба на воду, потому что государственного финансирования, как в советские времена, не существовало вовсе. Некоторые команды получали поддержку из местных бюджетов, часть подыскивали спонсоров. Были и такие, кто занимался коммерческой деятельностью, а некоторые жили исключительно за счет продажи своих игроков в зарубежные клубы. При этом продавать-то уже было некого – лучшие российские волейболисты уже несколько лет как имели неплохие контракты за рубежом – большинство в Италии, кое-кто во Франции, Японии и Турции. Уезжали теперь большей частью середняки, которые не дотягивали до уровня сборной, но определяли лицо российского чемпионата. Тем самым делая его, и без того невзрачного, еще менее привлекательным.

В целом же экономическое положение большинства неко-

гда ведущих команд ухудшилось. Из-за этого исчез существовавший и приносивший много пользы институт дублеров – средств на содержание резервистов у команд не стало. А ведь дублеры зачастую тренировались вместе с ведущими игроками, набирались ума-разума гораздо быстрее, выросли буквально на глазах.

Федерация рекомендовала создавать фарм-клубы. Но желаемой отдачи не получалось: соревнование дублеров было обязательным явлением, а фарм-клубы появлялись по желанию и по возможностям. И в середине девяностых из шестидесяти команд, участвовавших в чемпионате России в разных лигах, фарм-клубами могли похвастаться лишь двенадцать.

Важным, но для меня – максималиста по натуре – совершенно непонятным представлялось то, что руководство, даже не волейбола, а отечественного спорта, было удовлетворено четвертыми местами мужской и женской команд России. И знаете почему? Да потому что это было лучшее выступление на Играх-1996 среди всех прочих отечественных игровых видов спорта! Остальные же игроки либо вообще в Атланту не пробились, либо участвовали, но не добрались до полуфиналов. Подобная успокоенность мне, повторяю, была совершенно непонятна. Единственное, что могло оправдать подобную непритязательность, так это то, что российские олимпийцы впервые выступали под триколором. В индивидуальных видах это не так сказалось на результатах,

как в игровых: наши национальные сборные только-только начинали формироваться, сыгрываться без оглядки на кадры из Прибалтики (в баскетболе), из Украины (в мужском волейболе и женском гандболе).

* * *

В сезоне 1996/1997 в суперлиге (это название появилось впервые) соперничали восемь команд. Собственно, восьмую – московский «Спартак» – можно было в расчет не принимать: за два круга предварительного этапа спартаковцы из четырнадцати матчей проиграли все, и только в двух им удалось выиграть по одной партии. Да вообще о чем можно было говорить, если один из сетов в матче ЦСКА – «Спартак» продолжался – не поверите – восемь минут и завершился, естественно, с неправдоподобным результатом – 15:0. Правда, по старым правилам с правом перехода подачи такое было возможно. Сегодня подобные результаты исключены: не может быть, чтобы хоть однажды кто-то не ошибся, вводя мяч в игру.

После основного этапа, который игрался по разъездному календарю со спаренными матчами, наша команда заняла первое место. В домашних матчах мы уступили только в одном – 2:3 питерскому «Автомобилисту», но в гостях у команды Вячеслава Платонова выиграли обе встречи. Отстав от нас на пять очков, финишировали два клуба – «УЭМ-

Иzumруд» из Екатеринбурга и ЦСКА. Пришлось считать соотношение партий, которое оказалось лучше у уральцев.

По положению для распределения медалей были сыграны суперфиналы до трех побед за золото и бронзу. Нам удалось победить в трех матчах и впервые стать чемпионами России. Можете себе представить, какой это был праздник для всей Белгородчины: команда из «деревеньки», как я, повторюсь, во все времена любовно называл родной город, стала лучшей в многомиллионной стране, опередив асов отечественного волейбола, еще вчера считавшихся непобедимыми – ЦСКА и «Автомобилист».

Да и уральская команда Валерия Алферова была вовсе не подарком. В ней играл, на тот момент безусловно лучший, волейболист чемпионата Игорь Шулепов, делал первые шаги будущий звездный центральный Андрей Егорчев, который здорово выручил нас на чемпионате мира в Аргентине (об этом я расскажу позже и подробнее), был уже замечен молодой леворукий диагональный Александр Герасимов.

Правда, и мне было грех жаловаться на состав. Здорово усилил «Белогорье-Динамо» переехавший из соседнего Харькова диагональный Роман Яковлев. А сколько его пришлось уговаривать, чтобы парень понял, где его ждало большое волейбольное будущее!

После Олимпиады в Атланте иначе смотрели на подготовку к сезону и матчам Сережа Тетюхин и Вадик Хамутцких. Игры стали для обоих хорошей школой. Кстати, и для меня

тоже, ведь я неофициально входил в тренерский штаб.

В то время наша команда хорошо была укомплектована игроками во всех линиях, что в итоге и позволило выиграть первое золото.

Наверное, эта победа сыграла важную роль и в моей судьбе. Мое видение современного волейбола, особенно уровня национальной сборной, изменилось. До этого как-то не решался высказывать свое мнение, считал, что еще не дорос, чтобы спорить с мэтрами тренерского цеха, хотя проводил с ними немало времени, схватывал любую умную мысль.

Уже тогда мне было совершенно очевидно, что и впредь мы будем занимать места вокруг международного пьедестала, а не на нем, если в руководстве сборной России не произойдут изменения. Неудача на чемпионате Европы в Голландии лишь подтвердила мои мысли.

Вот почему, отвечая на вопрос анкеты газеты «Спорт-Экспресс» на старте следующего чемпионата страны, я был откровенен: «Что же касается сборной страны, то в первую очередь необходимо устранить разногласия внутри тренерского состава, влекущие за собой и разлад между игроками. К тому же, на мой взгляд, в России есть волейболисты, достойные играть в сборной, но пока в нее не привлекавшиеся».

Осенью 1997 года ВФВ объявила конкурс на должность главного тренера сборной. Все взвесив, я решился пойти на эти выборы со своей программой, которая, как мне казалось, могла ускорить возвращение отечественного мужского волейбола в мировую элиту и на лидирующие позиции в рейтинге ФИВБ. В канун выборов, которые проходили в начале декабря, обстановка вокруг неординарного в тех реалиях события накалилась. Потому что кресло руководителя главной команды страны освобождал не кто-нибудь, а великий Платонов, третье пришествие которого в сборную оказалось самым неудачным.

Уходил он шумно. Его ближайшее окружение развернуло мощную кампанию, целью которой, по сути, было объяснить последние неудачи руководимой им сборной кознями и интригами помощников именитого специалиста (в отдельных публикациях упоминались конкретные имена).

Вячеслав Зайцев также выставлял свою программу на тренерский конкурс. Ему предоставили слово и на президиуме, который заслушивал кандидатов, но в бюллетени для голосования были внесены только две фамилии – Олега Молибоги и моя. Зайцеву же предложили возглавить молодежную сборную, и он согласился.

Я уже говорил, что Вячеслав Зайцев работал два сезона

в Белгороде. Я пригласил некогда лучшего в мире пасующего в надежде, что он подтянет игроков именно этого амплуа, прежде всего Вадима Хамутцких. С ним мы дважды завоевали серебро чемпионата и выиграли Кубок России. Так что я прекрасно знал все сильные и слабые стороны этого выдающегося спортсмена и начинающего тренера. Кстати, Зайцев оказался в помощниках у Платонова весной олимпийского 1996 года после завершения работы в «Белогорье». Гораздо раньше рядом с мэтром появился другой его ученик по сборной СССР – Олег Молибога, возглавлявший некогда богатый классными игроками и традициями ЦСКА.

Со мной в связке на выборы шел главный тренер МГТУ Юрий Нечушкин, позже я пригласил Олега Антропова, олимпийского чемпиона, некогда руководившего молодежной сборной СССР и выигравшего с ней чемпионат мира в 1989 году. Это было существенно. К тому же были высоко оценены мои организаторские возможности и способность за короткое время создать клуб-чемпион.

* * *

На тот момент чемпионат страны был в разгаре. И «Белогорью» важно было подтвердить, что первый чемпионский титул был завоеван не случайно. Вновь главным нашим конкурентом был клуб из Екатеринбурга. Перевес нашей команды на стадии регулярного турнира был очевиден – мы сыгра-

ли шесть матчей между собой, и «УЭМ-Изумруд» отличился лишь в одном. Нам прочили безоговорочную победу в суперфинале. Но я-то прекрасно понимал, что одно дело предварительный турнир и совсем другое суперфинал до трех побед.

И действительно, после трех проведенных встреч уральцы вели в серии 2:1. Все решилось в двух заключительных пятисетовых поединках. Я не очень люблю это слово, но на сей раз оно более чем уместно: это была настоящая рубка. Любопытно, что четыре из пяти игр продолжались более двух часов, а заключительная, при забитом до отказа «Космосе», без малого три.

Наверное, именно победа в четвертом матче в Екатеринбурге, когда нам удалось сравнять счет в серии, стала тогда решающей. Перед тем матчем чего я только не делал, пытаюсь внушить ребятам, что серию можно вытащить. При этом понимал, что сделать это в маленьком, очень специфичном зале «Изумруд» будет очень непросто. Дополнительную мотивацию неожиданно придумали для нас сами екатеринбуржцы. При входе в зал живописно расположились «Волги», к антеннам которых были привязаны шарики с надписями типа «Чемпиону России», «Лучшему игроку чемпионов» и т. п. Понятно, что это были подарки не для нас, о чем сразу в раздевалке я сообщил ребятам. А тут еще всю разминку по залу объявляли, что такая-то фирма награждает будущего триумфатора тем-то. Телевизоры, магнитофоны, путевки,

абонементы... Понятно стало, что люди собрались не на волейбол, а на награждение. Мои ребята с этим категорически не согласились! Пришлось шарики сдувать, а машины отогнать в неведомом нам направлении. Капитан того «Изумруда», ныне работающий с нашей молодежью Павел Иванов, может подтвердить, что заявленные блага никому не достались.

Как же нас тогда не хотели отпускать, словно понимая, что золотые медали уже не вернуть. В аэропорту задержали самолет, пытаясь выбить какие-то неоговоренные деньги за стоянку нашего клубного самолета, который несколько дней простоял в аэропорту «Кольцово» в городе Екатеринбурге, ожидая команду для возвращения в Белгород. Пришлось даже обратиться за помощью к Николаю Васильевичу Карполю. Весь обратный путь наш самолет безуспешно прорывался через сильный встречный ветер. Настолько сильный, что не хватило топлива до Белгорода и нам пришлось совершить незапланированную ночную посадку в Воронеже. Похоже, кроме диспетчера там никого не было, и мы долго ждали, когда найдут заправщика, чтобы мы могли отправиться дальше.

Эти испытания остановить нас уже не могли, хотя мы понимали, что и на домашней арене ждет еще более упорное сопротивление команды Алферова. Все так и произошло. Победив в первой партии, «Изумруд» был близок к успеху и во второй – вел 14:12, но победу упустил и почти безро-

потно отдал третий сет. Четвертая партия стала едва ли не рекордной по времени – она длилась пятьдесят одну (!) минуту. Теперь уже мы вели 14:12, но отдали победу в партии.

На решающий сет сил у гостей почти не осталось. Шулепов и самый результативный игрок матча Герасимов – это было заметно даже человеку, не разбирающемуся в волейболе, – устали невероятно. Но достойной замены лидерам у Алферова не оказалось. У меня же, как всегда, на такой случай был заготовлен сюрприз: я не побоялся выпустить двух новобранцев команды – Александра Косарева и Андрея Ткаченко, которые успешно справились с задачей. Так мы во второй раз подряд выиграли российское золото.

Мудрый Евгений Степанович Савченко – губернатор Белгородской области, верный и преданный поклонник волейбола, радуясь, естественно, второй подряд победе «Белогорья», заявил во время церемонии награждения, что золотых наград были достойны оба клуба и очень жаль, что в волейболе не бывает ничьих.

Честно говоря, лишь концовка седьмого чемпионата России несколько скрасила безрадостную картину аморфного и маловыразительного течения событий на протяжении шести месяцев турнира. Еще до нового года наш клуб безоговорочно лидировал. Не вызывало никаких особых сомнений и железное второе место екатеринбургского «Изумруда» – и по составу, и по мастерству уральцы были под стать «Белогорью».

Собственно, к наличию двух команд-лидеров в отечественном волейболе все уже стали привыкать.

Обиднее всего было видеть в незавидном положении некогда корифеев отечественного волейбола – питерский «Автомобилист» и столичный ЦСКА, соответственно двукратного и трехкратного чемпионов России. Оба клуба перед началом первенства по разным причинам потеряли по несколько игроков основного состава, а достойной замены им не нашлось. Армейцы даже были вынуждены прибегнуть к помощи земляков из «Луча», команды первой лиги, дабы наскрести игроков для стартового состава, да так и играли вшестером едва ли не весь чемпионат. В итоге мы распрощались с «Автомобилистом», который затем ненадолго возвращался в группу сильнейших, прежде чем надолго исчезнуть с волейбольного горизонта. О чем можно было только сожалеть.

ЦСКА под занавес турнира совершил настоящий подвиг, взяв верх в споре за бронзовые медали над безвольными искровцами. Между тем надо было не радоваться неожиданному взлету москвичей, а с грустью констатировать: о каком уровне нашего мужского волейбола могла идти речь, если медали достались клубу, наполовину составленному из игроков даже не высшей – первой лиги.

Но внутренние разборки были завершены, а меня ждала сборная. Это был мой тренерский дебют на посту главного тренера. Хочу отметить, что с самого начала моей работы от-

ношения с руководством федерации складывались у меня не совсем гладко. Приходилось много спорить, отстаивать свою точку зрения на правах главного тренера сборной команды, а в дальнейшем вице-президента ВФВ, но при этом мы всегда приходили к консенсусу и находили правильные решения.

* * *

В сборной с самого начала я чувствовал себя уверенно. Прежде всего, потому, что большинство игроков главной команды составляли мои воспитанники – волейболисты «Белогорья-Динамо». Они-то и были на первых порах, да и в дальнейшем, моей главной поддержкой и опорой. Мы провели в сезоне тридцать восемь матчей, тридцать из которых выиграли, участвовали в трех соревнованиях – отборе к чемпионату Европы, Мировой лиге и чемпионате мира в Японии.

Основным, понятное дело, было мировое первенство. Но туда мы могли взять только дюжину волейболистов. А этих двенадцать игроков важно было отобрать по ходу матчей Мировой лиги. В моей же обойме насчитывалось семнадцать «патронов». К тому же на тот момент была полная неразбериха с только что придуманным новым амплуа – либеро. Было не очень понятно – то ли один и тот же игрок должен играть на этой позиции постоянно, то ли жилетка «свободного защитника» могла переходить от волейболиста к волейболисту в каждом новом матче.

В первых матчах Мировой лиги в Липецке против сборной Польши и в Югославии – в Нови-Саде и Белграде на этой позиции мы пробовали Андрея Воронкова и Евгения Митькова. Последний считался одним из лучших в стране на приеме. Именно поэтому ему и доверили столь «почетную» должность. Однако после первых четырех матчей Митьков заявил, что либеро быть не желает, и поставил условие – либо его переводят в доигровщики, либо он уходит из сборной. Понятно, что после подобного заявления мы, к счастью временно, расстались. Но тот матч в Белграде вспоминаю все же с удовольствием. Во время игры объявили о радостном событии в нашей семье – у меня родилась первая внучка Аделина. Весь зал тепло аплодировал этому счастливому событию.

Кстати, свой первый важный матч (отборочные встречи к чемпионату Европы с австрийцами и португальцами всерьез не принимал) с поляками в рамках Мировой лиги сборная проиграла. В пяти партиях, но уступила. Следуя рекомендациям своего ассистента Олега Антропова, я не совсем точно определился с составом. Естественно, потом пожалел об этом. С другой стороны, любое поражение учит, и первая неудача послужила для меня хорошим уроком. Понял главное: выслушай всех, помощников прежде всего, но решение принимай сам. Ведь именно с тебя спросят за итоговый результат.

С того момента в стартовом составе во всех матчах Ми-

ровой лиги на позицию связующего выходил Хамутцких, появилась стабильность, а за ней пришел и результат. В итоге в этом важном коммерческом соревновании мы финишировали вторыми, показав лучший на тот момент результат в истории сборной России.

Главным же, повторяю, для всех нас был чемпионат мира в Японии. К этому моменту команду покинул Антропов. При семейном разводе в таких случаях указывают следующую причину: не сошлись характерами. Между нами произошло что-то наподобие этого. Не стану углубляться, не вижу в этом никакого смысла. Зато я смог заменить Антропова человеком, которому полностью доверял и в которого верил – так вместе с нами в Японию поехал Юрий Венгеровский.

* * *

Японский чемпионат был донельзя раздут – наверное, никогда не пойму, зачем понадобилось призывать для участия двадцать четыре команды. Расширить географию волейбола? Привлечь больше зрителей? Ни того, ни другого достигнуть не удалось. Да и кто пойдет на матч, к примеру, Италия – Таиланд, если соперник за партию забивает в лучшем случае пару очков? Зато растянут был турнир почти на три недели. Прибавьте сюда еще запутанную систему розыгрыша, многочисленные переезды из города в город и по четыре игры в день, первые из которых начинались ни свет ни заря

и проходили при совершенно пустых трибунах. Нам, кстати, тоже приходилось играть в такую рань.

Мы очень серьезно готовились к мировому первенству в хорватском Пориче, затем сыграли в Италии три контрольных матча с двукратными чемпионами мира, два из которых выиграла. Обидно только, что из-за травмы потеряли Хамутцких, и в Японии в качестве основного связующего в основном выступал Ушаков. Но надо сказать, что Костя очень здорово пасовал в контрольных встречах с итальянцами. Это успокаивало.

В принципе, было очень непросто подвести команду в нужном состоянии к такому растянутому по времени турниру. Поэтому я поначалу был не очень доволен действиями большинства игроков: на пик формы они должны были выйти позднее. Зато у нас появилось время для экспериментов – мы пробовали Диму Фомина в доигровке, а Александра Березина в центре сетки, искали постоянное место в составе для Станислава Динейкина.

Мы и раньше знали, а в Японии окончательно убедились, что Воронков – никакой не либеро в полном смысле этого слова. Да, он волейболист с хорошей общей игрой, но с весьма средним приемом и неважными действиями в защите. Я ставил на него, потому что был уверен: на каждую игру чемпионата мира смогу заявлять нового либеро. Но буквально накануне чемпионата вышло очередное предписание, по которому игрок этого амплуа должен быть один на время все-

го турнира. Был не до конца доволен и Тетюхиным с Шулеповым. Если с приемом они как-то справлялись, то по действиям в защите и в атаке у меня были к ребятам серьезные претензии. Впрочем, турнир ожидался продолжительным, и я не сомневался, что игра команды должна наладиться.

Мы начинали в городе Уодзу, выиграла без особых проблем у турок и австралийцев, но споткнулись на югославах: проиграли в пяти партиях матч, который практически ничего не решал.

На втором этапе в городе Тиба, недалеко от Токио, трудное испытание ожидало нас в первом же матче – мы играли с американцами. Можно было заранее предсказать, что нам придется непросто, ведь в сборную после более чем десятилетнего перерыва вернулся Даг Бил, великий тренер, выигравший со сборной США первое олимпийское золото в 1984 году. Вот только звезд в его нынешней сборной было не так много, как в период расцвета американской команды середины восьмидесятых годов. Тон задавали бронзовые призеры чемпионата мира 1994 года Ллой Болл и Дэн Лэндри, а также Кевин Барнетт. Во всяком случае, в матче с нами именно эта тройка доставила больше всего хлопот.

Мы начали традиционным составом. Но играть с незалеченной травмой Хамутцких было некомфортно, и от этого страдало качество передач, особенно когда стало очевидно, что игра затягивается: она и продолжалась почти четыре часа. А заменить его на Ушакова я сразу не решился. Зато ко-

гда с самого начала не пошла игра у Яковлева, я выпустил вместо него Фомина. И тот на опыте, на интуиции смог переломить ход встречи, и вместе с Русланом Олихвером ребята помогли одержать столь важную победу.

Следом мы выиграли у сборных Китая, Греции и Украины.

Заключительные игры второго группового этапа проходили в Хамамацу. И важнейшей оказалась опять-таки первая игра с командой Италии. Я бы назвал ее ключевой: выиграй мы этот матч – быть нам в первой четверке.

Долго спорил накануне со своим учителем, определяя стартовый состав на эту важнейшую игру. В итоге сошлись на том, что усилим атаку в ущерб приему, и на место Шулепова в доигровку вышел Фомин. Я же, как всегда, рассчитывал на своих, белгородцев, они не должны были меня подвести. Но, судя по всему, ребята «перегорели» – знали мы итальянцев лучше других, как играть против них, разбирали не раз. Тут, правда, все карты нам смешала травма по ходу первого сета связующего итальянцев Марко Меони. Его заменил опытный Де Джорджи и сыграл гениальный матч.

Но и соперник вышел на матч абсолютно уверенным в своем превосходстве. Чего не могу сказать про наших. Как я ни пытался встряхнуть ребят, ничего не помогло: мы проиграли важнейший матч. И даже победы над сборными Голландии и Югославии не помогли пробиться в финал.

С голландцами мы встретились еще через несколько дней

уже в Токио и вновь выиграли и заняли пятое место. А чемпионами в третий раз подряд стали итальянцы, победившие в финале югославов.

Не скажу, что был удовлетворен итогом. Нам вполне по силам было поспорить за более высокое место. Однако команда провела турнир не в том ключе, как мне бы хотелось. Но это был первый опыт, а первый блин чаще получается комом.

* * *

Из-за чемпионата мира, который финишировал в первые дни календарной зимы, наше национальное первенство началось как никогда поздно – 19 декабря. Главная особенность – это был первый чемпионат, в котором волейболисты соревновались по новым правилам. Теперь каждый розыгрыш мяча оценивался очком вне зависимости от того, какая из команд подавала. И подсчет отныне велся не до пятнадцати, а до двадцати пяти очков в партии.

Нововведение специалисты волейбола встретили неоднозначно. Николай Васильевич Карполь, главный тренер «Уралочки» и женской сборной команды России, на президиуме федерации настоял, чтобы женский чемпионат проходил по прежним многолетним волейбольным законам с переходом подачи и до пятнадцати очков. Было странно видеть матчи внутреннего чемпионата, которые проходили по старинке, и

одновременно с этим та же «Уралочка» выступала в Кубке европейских чемпионов, матчи которого игрались по-новому. Мне же, напротив, новый вариант показался прогрессивным – игра стала быстрее, гораздо понятнее для зрителей.

«Белогорье-Динамо» в первых пяти турах потерпело четыре поражения. Даже и не припомню такого кошмарного начала с момента выступления нашей команды в компании сильнейших клубов страны. Но и объяснить произошедшее было легко: заметна была усталость лидеров после марафонского международного сезона и многочасовых перелетов с континента на континент. Сказалось, конечно, и то, что вскоре после прилета из Японии мы потеряли Юрия Наумовича Венгеровского, скончавшегося прямо в зале во время тренировки. Правда, после столь неудачного начала мои ребята одержали пятнадцать побед подряд, в том числе две на своей площадке над «Изумрудом», лидировавшим в чемпионате с первого тура. В конце концов нам удалось почти настигнуть уральскую команду, разница между нами составила всего два очка. В этом случае регламентом была предусмотрена очередная финальная суперсерия. И вновь было сыграно пять матчей. И вновь после четырех из них было полное равенство 2:2. Только заключительная встреча проходила не в Белгороде, а в Екатеринбурге. Именно это во многом определило исход соперничества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.